

Николай ПОКИДЫШЕВ

*Звательный
надежд*

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

НИКОЛАЙ ПОКИДЫШЕВ

*Звательный
надеж*

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

Курган, 2015

ББК 84Р6-5

П 48

Представляем читателям новую книгу Николая Покидышева, автора сборников стихов «Отголоски», «С тобою навсегда», «Неразделимость», книги стихов и прозы «Осколок в памяти», участника коллективных сборников стихов «Жизнь кажется бесконечной. Зауральская поэзия в изданиях центра «Отклик», «Памятью написанные строки», «Спасительный свет», «Сказка детства».

В новом сборнике автор продолжает темы любви к родной земле, к ее людям, и впервые включил в книгу сатирические строки.

Стихи, рассказы, публицистические материалы Николая Покидышева публиковались в газетах, литературно-художественных журналах «Тобол», «Сибирский край», «Веси» (г. Екатеринбург), в «Роман-журнале XXI век, путеводитель русской литературы» (г. Москва), размещались на электронном портале Союза писателей России «Русское Воскресение».

Автор выражает глубокую признательность Совету ветеранов Управления Федеральной Службы Безопасности Российской Федерации по Курганской области за материальную помощь при издании книги.

ISBN 978-5-9905587-4-8

© Н. Покидышев

Город, от души неотделимый

ОСЕНЬ СОРОК ДЕВЯТОГО

В ту осень, говорят, был ранний снег
И холода пришли внезапно рано,
И инея короткий колкий мех
Белел в краях дверей пушистой рамой.

А ветер то с разбега налетал,
То вскачь пускался рядом по сугробам,
То вдруг свистел, то что-то лепетал,
Пока несли нас мамы из роддома.

И был тогда сорок девятый год,
Война совсем недавно отгремела.
И было столько мирных дел, забот! –
Всё строилось вокруг, росло, кипело.

Рос Каменск, наш посёлок, и завод,
А на местах бараков – двухэтажки...
То чувство счастья до сих пор живёт
По-братски рядом с сердцем под рубашкой.

Куда умчались первый день и год?
Унёс тот ветер их с порошей белой?
Вдруг нам не ветер – кто тут разберёт? –
А время вслед насмешливо свистело?..

ВОСПОМИНАНЬЯ О ЗЫРЯНКЕ

*Селу Зырянка Катайского района
Курганской области
Другу детства
Пшеницыну Владимиру*

1

Вдруг без спроса вспомнится:
Детство. Спозаранку
В заводских автобусах
Нас везут в Зырянку.

Девочки и мальчики,
Белые панамки,
На всё лето – дачники,
На штанишках – лямки.

К берегу высокому
Ластится Синара,
Шелестит осокою,
Небо пышет жаром.

С совами, с кукушками
Лес соседний рядом,
С ягодной опушкой
И коровьим стадом.

Солнце разомлевшее
Облаком прикрылось.
Детство безмятежное,
Может ты приснилось?

Памяти ли фокусы,
Наяву подарки:
В заводских автобусах
Днём июньским ярким

Девочки и мальчики
Едут спозаранку –
Солнечные зайчики,
На штанишках – лямки.

2

Давай умчим в родную нам Зырянку,
Махнём опять по новой объездной!
Рванётся сердце птицею-подранком,
В погоню взмоет ветер за спиной

Навстречу всем изгибам-поворотам
Дороги и деревьям вдоль неё,
Полям, оврагам, облаков полёту
Куда-то за небесный окоём.

И с высоты над берегом Синары
Мы на другом высоком берегу
Увидим новый крест на церкви старой
И тополя, что церковь стерегут.

На въезде школу повстречаем слева:
Уютный и знакомый с детства дом,
Где брёвна пахнут чуть горчицей прелью,
А печь-голландка кутает теплом.

На лето классы превратятся в спальни
Для городской приезжей ребятни,
Скрип половиц поведаёт им тайны,
Каких ещё не слышали они:

Про кузницу – вот, за окном напротив –
Как горн раздуть и подковать коня;
Тень дядьки, что упал в колодезь, бродит
Ночами, душу страхом леденя...

Полвека с лишним – миг, короче вдоха:
На месте кузни – в рост, стеной польнь.
Но цел колодезь. В горле пересохло?
Ты слышишь шёпот?: «Подойди, остынь.

Попей моей водицы как когда-то,
Едва ли скоро свидимся опять...»
Замру пред ним мальчишкой виноватым,
И в оправданье нечего сказать.

Исчезнувшие Ключики, Покровки –
Из памяти не вырванная боль:
Забывать – нельзя, а вспоминать неловко
И горько от стыда перед собой.

Всё, что вовек нерасторжимо с ними,
Всплывёт из самой глубины души,
Как тихий голос бабушки: «Родимый,
Куда ж с утра? Покушай, не спеши!»

... За школою сельмаг привычно рядом –
Лабаз купца ещё послужит впрок!

А в стороне, за скромною оградой,
Стена – на ней сто восемьдесят строк:

...Зыряновы ...Лопатины... Козловы ...
– Читай с начала, иль с конца читай,
Лежат в земле Пшеницыны, Петровы
С Москвы и до Берлина, почитай...

Дверь клуба не украшена афишей,
За стёклами оконными темно,
И не теснятся стайками мальчишки
С «десяточком» на новое кино.

Столетний храм – оставленный Дом Бога,
С опавшей штукатуркой, без дверей,
Но в красоте неизреченно-строгой,
В терпении и вере ждёт людей...

Что тут любить? Три улицы с погостом?
Руину храма, грязь в углах пустых?
Под куполом осыпалась извёстка
И смотрят сверху вновь глаза Святых...

И ты вернулся, распахал вкруг землю,
Построил дом, а кто-то чинит храм,
И прорастает брошенное семя,
И тянется ростком к твоим рукам.

Щербатый тын сменяется забором,
И снова косят травы на лугу...
Давай умчим с тобой в Зырянку снова,
Где промелькнуло детство на бегу...

**ДРУЗЬЯМ ПО ПИОНЕРСКОМУ ЛАГЕРЮ
«ТРИ ПЕЩЕРЫ»
Каменск-Уральского металлургического завода**

1

Ты помнишь лагерь «Три пещеры»,
Давно нам, с детства, дорогой?
Как под оркестр духовой
Нас, октябрят и пионеров,

Все провожали: папы, мамы,
Друзья и бабушки – шум, смех,
И словно маленькое пламя
Алели галстуки на всех.

Вожатые сверяли списки,
В автобусы сажая нас;
И шёлк знамён отрядных близко
У наших лиц, у наших глаз

В открытых окнах трепетал.
Как ласков был тот летний ветер!
Был каждый час и чист, и светел
Среди родных уральских скал

На берегу родной Исети.
И самый младший твёрдо знал:
Прекрасней места нет на свете!
Да их никто и не искал.

Как пахли хвоей и смолой
Стволы высоких старых сосен:
С корой от солнца золотой
Качались, словно звали в гости.

Как пели горны по утрам
И флаг взвивался по флагштоку,
Спартакиад весёлый гам
И дружбы первые уроки.

Как мы влюблялись навсегда
В своих девчонок-одноклассниц;
Сливались день за днём тогда
В огромный бесконечный праздник.

И наши песни и костры
С полётом искр в ночное небо:
Туман реки и белый дым
Стелились над рекою немо.

Мне до сегодня с той поры,
И всем моим друзьям – я верю! –
Горят заветные костры
И снится лагерь «Три пещеры».

И кто из нас был виноват,
Что где-то рядом, по-другому,
Жизнь у ровесников-ребят
Слагалась без любви, без дома;

Что через много-много лет
Стране предъявят счёт за это?
Какой мудрец нам даст ответ?
Кто согласится с тем ответом?

Мне выпало счастливым быть –
За это быть всегда в ответе,
И прошлым свято дорожить
Всю жизнь и даже – после смерти!

2

*Композиция Sidnei Bechet (саксофон)
«PETITE FLEUR» («Маленький цветок»)
так часто звучала
по радиосети пионерлагеря*

Июль своим теплом ласкал
Высоких сосен колоннаду,
С цветочных клумб благоухал
Густым до влаги ароматом,
И вдоль скамеек и плакатов
По-царски медленно вплывал
На сцену, в летнюю эстраду,

Где пел тягуче саксофон
Без слов, до боли в сердце – нежно,
Как будто прятал свой же стон
О чём-то, лишь ему известном...
А ты? Ты помнишь эту песню,

И как я был в тебя влюблён,
Но сам не знал о том, конечно?

Как все мы были влюблены
В июль, друг в друга, в эти скалы:
Пятнадцать лет – канун весны,
Так близко к юности началу!
Там, среди сосен величавых,
Незримо, словно лёгкий дым,
Вдаль наше детство уплывало.

Про чей-то маленький цветок
Пел саксофон для нас с эстрады,
Про упоительный восторг,
Где счастья большего не надо:
Пусть нам отмерен краткий срок
От Жизни Таинства в награду,
Мой дорогой цветок так рядом!

Под медленный певучий блюз
Ты танцевать меня учила.
А я боялся: вдруг собьюсь?
...Так много лет!.. Ты не забыла
Июль, эстраду, блюз и полдень:
Кружились рядом юность, грусть
И мы?
Ну, что?
Конечно, помнишь...

НА КАТКЕ

*Стадиону «Металлург» –
месту наших первых
школьных свиданий*

На катке сегодня день проката.
А вчера был сильный снегопад.
Чистит трактор лёд ножом-лопатой,
Надо льдом гирлянды ламп горят.

Льют свой свет прожекторные мачты.
В раздевалке выдают коньки.
На «снегурках», в шапке набок, мальчик
С трактором бежит вперегонки.

Хором вдруг динамики запели.
Стайками спешим со всех сторон,
Позабыв про школу и портфели,
К цели под названьем «Стадион»:

К месту наших – на всю жизнь – свиданий,
Первых, робких, чистых, дорогих,
Переполненных счастливой тайной,
Главной тайной только для двоих.

Мы скользим под музыку по кругу,
На твоих щеках, ресницах – снег.
Мы скользим, взяв за руки друг друга,
Самые счастливые из всех..

Это было и ушло куда-то,
И туда записку не послать
«На катке сегодня – день проката»,
То есть: «Приходи! Я буду ждать!..»

Девочка с соседней в классе парты,
Ты сидишь всего лишь через ряд.
От меня глаза не надо прятать,
Я всегда встречаться с ними рад.

Может, наконец-то, я осмелюсь,
И, как только прозвенит звонок,
Вдруг скажу, как будто между делом:
– Приходи сегодня на каток...

Отзвенел звонок, все разбежались,
Ты на сумке теребишь замок,
А потом вдруг улыбнулась: – Знаешь,
Может, сходим вместе на каток?..

Девочка с соседней школьной парты,
Я опять не выучил урок,
Перед классом «плаваю» у карты,
Но звенит Последний наш звонок.

...Девочка с соседней в классе парты –
Чья-нибудь, наверное, жена.
Счастлива ль она как в школьном марте
Или одиноко у окна

Ждёт всегда: а вдруг раздастся снова
Дорогой единственный звонок:
– Если ты не против, полседьмого
Приходи сегодня на каток...

ДЕВЯТЫЙ КЛАСС

*Моим ровесницам
Елене Гофман-Нинчуркиной
Татьяне Соколовой*

Память почему-то
Забывает плохо,
Ничего не путает:
Где ты, Лена Гофман?

Светлое и яркое
Вспомнилось мне снова:
Девочка с Октябрьского
Таня Соколова.

Как девятиклассником
Все ДК и ёлки
Объезжал на праздники,
Вас искал без толку.

А потом нечаянно
Вдруг опять встречались
На посёлке Чкалова,
И опять молчали.

В клубе, близ оркестра,
Лихо, без опаски,
Танцевали вместе
Шейк по-югославски:

Танец самый модный
И почти запретный...
Улетели годы,
С ними – мы, по свету.

Память, ночью чуткая,
Вспомнила вас снова,
Леночка Нинчуркина,
Таня Соколова!..

...Моя любовь в десятом классе,
Тебе ненужная совсем,
Обрушилась неожиданным счастьем,
Что я не заслужил ничем,

Вдруг вырвала из жизни прежней,
Среди зимы застав врасплох...
Огромная слепая нежность
Взрывала колко каждый вдох.

Как в темноте росток случайный,
Жила всему наперекор,
И оставалась горькой тайной,
Надежд навязывая спор.

Искала повод для свиданий
На переменах и в кино,
Невольно мимоходом раня,
А я был счастлив всё равно.

Но от уроков её строгих
Сбегал не раз, куда-то шёл...
И дом твой, крайний от дороги,
Меня запомнил хорошо...

...Я и теперь бываю счастлив,
Когда ты снишься мне живой...
Моя любовь в десятом классе
Стучится в хрупкий мой покой.

Не вырвешь из судьбы страницу,
Не зачеркнёшь её финал.
Скажи, где от тебя укрыться,
Любовь, которую не звал?

Моя любовь в десятом классе,
Давно забытая почти,
Вдруг вспомнилась до боли ясно,
Непоправимо – хоть кричи...

Осень: дождь и опавшие листья,
С первым снегом вдали предсказуемым,
Облака над окошком нависли
Здесь и, может быть, в Потаскуево.

Там высокие стройные сосны,
Как у нас – над Исетью, Синарою.
Там мелькнувшие мимо весны
Бродят врозь, а быть может – парами.

И живут там далекое лето,
И поляна, и лагерь с палатками,
И щебечут в кустах непременно
Стаи птиц у реки с перекатами.

И разбудит с утра спозаранку
Солнца луч по стеклу сверканием
В дорогой с детских лет Зырянке
Перед жизни дорогою дальнею...

Снова осень и желтые листья
Ветер рвет как обои старые.
Вслед за листьями мечутся мысли...
Где ты, юность, с любви пожарами?

*«Ну, что же ты грустишь, что нынче осень,
Что золотые листья на земле...»
«Все ребята уважали очень Лёньку Королёва...»*

(Из песен нашей юности)

Ну, что же ты грустишь, что снова осень,
И годы – листопадом золотым,
И ни один, как лист, с плеча не сбросишь:
Умчались и растаяли как дым.

Зачем грустить? Над нами те же звёзды,
И листья под ногами шелестят,
И ничего для нас с тобой не поздно,
Пока горит багряный листопад.

Ты улыбнулась – значит, всё прекрасно!
В наряде ярком клёны, тополя.
Не потревожив дней осенних праздник,
Давай споём про Лёньку-Короля:
«Во дворе, где каждый вечер играет радиола...»

А МЫ С ТОБОЙ ВСЮ ЖИЗНЬ ЗНАКОМЫ

Алевтине Б-вой

1

Ноябрь. А вместо снега – дождь.
И днем температура в плюсе.
В такой же день – святая ложь! –
Тебя дитем «нашли в капусте».

Теперь «капуста» не пройдет,
Но День рожденья остается.
И, наступая каждый год,
Он старой шутке вновь смеется!

2

Я завтра позвоню тебе опять,
Услышу смех твой с мягким придыханьем,
И годы стаей унесутся вспять,
И рухнут все преграды расстояний.

Ты будешь также чуть картавить «р»,
Катая его звонкий хрупкий шарик,
И звуки слов из трубки взмоют вверх,
Серебряною россыпью одарят.

Мы вспомним с детства дорогих друзей,
И тех, кого не любим, тоже вспомним,
И сердце, наших душ архиерей,
Призывом строгим отзовется: «Вонмем!..»

За мудростью уже прожитых лет
Скрыты горы радостей, печалей,
И все, кого сегодня с нами нет,
Для памяти еще дороже стали...

Висит луна у крыши на краю,
Опять февраль и снег на окнах тает.
Я завтра тебе снова позвоню,
И мы еще немного поболтаем...

Мне опять сегодня снилось детство,
Западная улица, дом пять,
Ясли за забором по соседству,
С малышкой, что вывели гулять.

Во дворе фонтан журчал довольно,
В нём плескался кто-то из детей.
Сквер, травы зелёное приволье,
Поджидали к вечеру гостей

Шли домой с завода наши папы,
У сараев кто-то пас цыплят.
Серый кот струной прижался к лапам
И с цыплят давно не сводит взгляд.

Мнились мне соседские ребята –
Вова Волков и Сергей Вознюк:
Улетели души их куда-то,
Словно птицы осенью – на юг.

Словно стёрлась времени граница,
Шёл с работы трудовой народ...
Он всегда, всю жизнь мне будет сниться,
Пятьдесят шестой далёкий год,

Будка с газировкой на «Центральной»,
Продавцу, отдав свой пятак,
Важно скажет: «Лей в стакан хрустальный!»,
Поселковый Гера-дурачок.

И никто вокруг не засмеётся:
С головой у Геры – с той войны,
Что, как сердце, в каждом болью бьётся –
Страшной, горькой болью всей страны.

Снится так непоправимо поздно,
Но ведь в ком-то тоже он живёт:
 Мирный, с близким эхом битвы грозной,
 Пятьдесят шестой далёкий год...

С редких фотографий школьных лет
Смотрят на меня друзья по классу:
Их в живых уже кого-то нет,
С кем-то я не встретился ни разу.

В неказистых ношеных пальто,
С голой шеей в вороте рубашки,
Вы дружить умели как никто,
Парни, в лихо сдвинутых фуражках.

Вы любить умели как никто,
Девочки, в косынках и платочках.
Что вам в жизни выпало потом?
Счастье? Слезы ночью в одиночку?

Разбросало нас кого куда –
Целый атлас стран и географий.
Но остались все мы навсегда
В редких кадрах школьных фотографий.

Нам теперь друг друга не узнать,
Если снова встретимся случайно.
Как нестати времени печать
Всем свои навязывает тайны.

И рванётся память вдруг опять
Сквозь бессонниц немоту, среди ночи,
К тем парням, что не умели лгать,
К девочкам в косынках и платочках...

Может память выбилась из сил,
Спешке жизни сдавшись поневоле?
Сколько не успел, не навестил
С «Западной», с «Центральной» и со «Школьной»!

Сколько дней, часов порастерял,
Что сложились в годы понемногу.
Не пришёл ни разу на вокзал,
Не умчал единственной дорогой

В город, где живут без суеты
Одногодки и друзья по школе,
Девочка, с которой был на «ты»,
Саша Мальцев и Данилов Коля.

Были сборы долги и пусты,
И спешить уже не нужно боле.
Ветер налетает навестить
Грустный край невспаханного поля,

Где сегодня высятся кресты
Завершеньем их земной юдоли
Девочке, с которой был на «ты»,
Другу Саше, дальше – другу Коле.

Я там был. И положил цветы,
И кусочек сердца с колкой болью
Девочке, с которой был на «ты»,
Другу Саше, дальше – другу Коле...

Билет «туда – обратно»
Из Каменска в Свердловск:
В общих, и в плацкартных,
Сколько раз пришлось

Ехать, возвращаться,
С детства – до сих пор
Мимо тех же станций
«Храмцово».., «Перебор»...

Сотня километров
Вроде бы всего,
Каждым миллиметром
Вдоль сердца моего

Навсегда пришиты,
Вовек не оторвать:
Нет страшнее пытки
Мимо проезжать

В поездах транзитных,
Видеть за окном,
Будто позабытый,
Край родной и дом!

Где-то за Москвою
Дни поврозь считать,
Ждать, когда с тобою
Встретимся опять.

Замелькают снова,
Как не уезжал,
«Лечебная»,.. «Кольцово»,..
«Соцгород», наш вокзал.

Только память ночью,
Сны вдруг перебив,
Вспомнит слишком точно
Каждый день и миг

В Каменске, в Свердловске,
Всех друзей моих...
Вон уже полоска
Утренней зари.

Сотня километров
Вроде бы всего:
Каждым миллиметром –
Вдоль сердца моего!..

ВОЗВРАЩЕНИЯ ДОМОЙ

Здесь почему-то пахнут по-другому
Листва деревьев, травы и цветы,
Когда из странствий всех к родному дому,
Пусть дня на два, но возвратишься ты.

Вдруг возвратишься из разлуки долгой,
Когда уже совсем не вмоготу
В краю другом скитаться и без толку
Тоску ночами прятать в темноту.

Тоску о чём? Везде деревья те же,
И, вроде, тот же самый солнца свет.
Но что же так мучительно и нежно
Зовёт, и от него спасенья нет?

И почему от одного названья
Родного места сердце так щемит?
Однажды нашу память им поранив,
До вздоха до последнего болит.

Болит подчас совсем невыносимо,
И всё никак не может отболеть
Святая боль по стороне родимой:
Той, без которой жизнь – страшней, чем смерть...

*Родному городу
Каменску-Уральскому
посвящается*

От вокзала, где такси толпятся,
Заспешит, включив шальную скорость,
По маршруту номер девятнадцать
Рейсовый автобус через город.

Вдоль проспекта – к остановке «Юность»:
Вдруг моя вернулась днём апрельским?
Память! Ты о прошлое споткнулась,
Обернулась – а встречаться не с кем...

Полетим от «Парковой» на «Космос».
Ветер в окна бьёт тугим напором.

Вижу самый дорогой мне глобус
Под названьем «Мой любимый город».

Меж громадных скал – простор Исети.
За рекою – в новостройках – «Южный».
Город мой родной – один на свете,
И другой мне родины – не нужно.

Пусть живу с тобой в разлуках долгих –
Свидеться опять когда придется? –
Как приеду, перехватит горло:
Всё родное – воздух, небо, солнце,

Даже дым из труб твоих заводов
С привкусом горячего металла...
В многих землях был за эти годы,
Ни одна родней тебя не стала.

Город мой! Ты со времён Петровых
Гордость наша – металлург и воин.
И во всех разлуках – в старых, в новых –
Ты, как сердце, каждый миг со мною!

КАМЕНСКУ-УРАЛЬСКОМУ

1

До тоски, почти невыносимой,
По тебе опять соскучусь вдруг
Город, от души неотделимый,
Мой причал отъездов и разлук.

Из краёв далёких, недалёких,
Где другие счастливо живут,
Из скитаний долгих, одиноких,
Рвусь к тебе, надёжный мой приют.

Только здесь на улицах старинных
И на новых улицах твоих,
Город, сердцем навсегда любимый,
Мне ещё дороже каждый миг,

Что прожит опять вдвоём с тобою,
Словно никуда не уезжал,
Город, ставший навсегда судьбою,
Как судьбою стал родной Урал!

2

Ты разросся вширь и в высоту,
Возмужал и весь похорошел!
Новых улиц видя красоту,
Я забыть родные не посмел.

Западная улица, дом пять,
Улица Центральная, дом сорок –
Вот я и вернулся к вам опять,
И опять – не очень-то уж скоро.

Вас уже не жалуют теперь,
Лет послевоенных двухэтажки.
Сколько пережили вы потерь,
Нахлобучив крыш своих фуражки!

Потемнели ваши кирпичи,
Новоселья год от году реже:

Время не вернёшь – хоть закричись!
Только вы стоите здесь как прежде.

Помните ли вы своих жильцов,
Тех, кому дарили кров надолго:
Наших – молодых тогда – отцов,
Мам и нас, шагнувших от порога?

3

Глинкины, Шпиловы, Вознюк,
Душкины, Покидышев, Майоров –
Металлурги, воины. А вдруг
В ваших бессловесных разговорах
Вспомнили их скоро или нескоро?

Пироговы, Ляховы, Чумак,
Пермяковы, Соболев, Пшеницын –
Каждым мог завод тогда гордиться!..
Неужель не вспомните никак?
Что же вам тогда ночами снится?

4

Старые, родные нам дома –
Трещины на камнях как морщины.
И глаза непрошенный туман
Застилает влагой без причины...

5

Город мой! Мне снова – уезжать.
Но в любой дали, где мы не вместе,
Слово «Каменск» будет мне звучать
Самой дорогой на свете песней!..

Мостик над заводью

ИНСТИТУТСКИЙ ВАЛЬС

Нашему УЭМИИТу –
УрГАПСу – УрГУПСу
посвящается

Мостик над заводью, берег, аллея –
Всем нам родной институт.
Юность далёкая, ты всё сильнее,
Чаще зовёшь меня в путь

Снова увидеть, как тонут закаты
В глади широкой пруда.
Вместе с закатом часть сердца когда-то
Здесь обронил навсегда.

В зимнюю стужу, в июне ли жарком:
Разве припомнишь сейчас?
Сколько бы жизней не дали в подарок –
Снова я выберу вас

Мостик над заводью, берег, аллея,
Пруд и родной институт:
Сколько тебя – сосчитать не сумею –
Берегом сердца зовут?

Вспыхивать пламенем будут закаты,
В глади широкой тонуть.
Сердце оставить, как я здесь когда-то,
Снова другие придут.

С низким поклоном вернутся позднее
В город, где также их ждут
Мостик над заводью, берег, аллея,
Всем нам родной институт!

*Моим однокурсникам,
всем выпускникам УЭМИИТа**

Сбегу к себе – назад, в УЭМИИТ,
На первый курс, в зачётную неделю,
Где в коридорах тихий гул стоит
И три конспекта на полгруппы делят.

В громадных окнах стынут зимний день,
Замёрзший пруд**, рыбак и мост с трамваем,
А на галёрках – что кому не лень:
Кто – спит, кто – вяжет, книг не открывая.

По декабрю, без шапки, заскольжу
Накатанной тропинкой в общежитье
И задежурю там по этажу,
Его вчерашний постоянный житель.

Под вечер стихнет цокот каблучков.
На лестницах, не выучив ни строчки,
Целуются до первых петухов...
А ты со мной сбежать туда не хочешь?

*УЭМИИТ – Уральский электромеханический институт инженеров
железнодорожного транспорта, сейчас – Уральский государственный
университет путей сообщения (УрГУПС).

**Территория института с трёх сторон окружена городским прудом
г. Екатеринбурга.

Другу-однокурснику

А если что случится – без меня
На «остров» наш по мостику над заводью
К закату пасмурного мартовского дня
Приди сказать: я кланяюсь им загодя.

Пройди тогда аллеей тополей –
По ней мы все спешили к институту:
Сплетения разросшихся корней
Давно с корнями сердца перепутал.

Приди и к общежитью номер три
С оглохшими от шума коридорами:
Из окон тех мне свет всю жизнь горит
На улице любой другого города.

Пройди по «Колмогорова» на ВИЗ*,
Запрыгни на трамвай до Уралмаша*.
С подножки ненароком оглянись:
Кто там тебе рукой вдогонку машет?

Не наша ль юность нас как прежде ждет
И также в возвращенье наше верит?
И сердце в тайной радости замрет:
А вдруг опять свои откроет двери?..

*ВИЗ, Уралмаш – жилые микрорайоны г. Екатеринбурга, примыкающие к ВИЗу (Верх-Исетскому металлургическому заводу) и Уралмашу (Уральскому заводу тяжелого машиностроения).

Памяти привычным бездорожьем,
Без надежных путеводных карт,
Вновь умчусь в предчувствии тревожном
В юность, где всегда бушует март.

Обгоняя эха голос гулкий,
Сбив свое дыханье на бегу,
Вдруг замру в знакомом переулке
И ни шагу дальше не смогу:

Все никак не насмотрюсь на окна
В комнате на пятом этаже,
Где живет она, чей рыжий локон
Целый месяц снится мне уже.

А в моем конспекте по термеху
Два билета ждут свой день и час.
Только есть серьезная помеха:
Взять и подойти к ней в первый раз.

Самого себя не узнавая,
– Лишь бы не сорваться на фальцет! –
Предложить, почти не заикаясь:
– Может, сходим вместе на концерт?..

И – влюбиться: как сорваться в бездну!
Не разбиться – взмыть под небеса,
Торжествуя, всюду видеть сердцем
Рыжий локон и ее глаза...

А потом, годами, бездорожьем,
Без надежных путеводных карт,
Улетать из снов о ней тревожных
В юность, где всегда бушует март.

В тот майский вечер пламенем закат
Сиял победно за твоей спиной...
Случилось это жизнью сто назад
С одним мальчишкой: он был схож со мною.

Ему сказала ты: «Не приходи!..»,
И навсегда, с другим, ушла куда-то.
И нёс мальчишка с той поры в груди
Осколки слова с пламенем заката.

Пусть редко, но к тебе он приезжал
Из города другого в жизнь другую,
И пламенем весны закат дрожал:
Свидетель ваших первых поцелуев...

И вот теперь, когда всё позади,
И в майский вечер нет давно возврата,
Скажи: как долго мне носить в груди
Осколки слова с пламенем заката?

Нет, знаешь, лучше вместе помолчим:
Вдруг та весна сама вернётся снова
И догорит разлуки горький дым
В огне заката ярко-золотого...

Да, сказки на ночь – не для нас с тобой,
Как жизнь прожили – этим и богаты,
Но в миг последний свой возьму с собой
Осколки слова с пламенем заката...

Приснилось вновь: на стареньком мосту,
Уже сбежав из людного трамвая,
Твои ладони подношу ко рту,
В далёком марте их отогревая.

А ты смеёшься: «Ведь и сам замёрз!..»
...Так – было. Было, хоть поверить трудно:
Ты пахла свежестью морозно-колких звёзд,
Твоей родною воркутинской тундрой.

Ресницы, брови, мех воротника,
Искрились снегом. Даже звёзды стыли.
И как мы были счастливы, пока...
Любимая! Ну, что мы натворили!

Во сне опять бегу к тому мосту,
Как будто он для нас – всего опасней;
Кричу – но ты уходишь в пустоту,
И я зову, зову тебя напрасно...

До мелочей мой сон на явь похож,
И ты опять – неповторимо близко,
Как в ту весну, которой не вернёшь,
Но снег её всю жизнь зачем-то снится...

Тот первокурсник, что тебя любил,
Всё ждёт тебя, советам не внимая.
Как много раз ему я говорил:
– Той, прежней, нет. А есть совсем другая.

Ты для неё – всего лишь эпизод
В давно минувшем времени-пространстве!
А он всё так же – год за годом – ждёт:
Ждёт, с никому не нужным постоянством.

Ждёт в слякоть, в зной, в мороз и в снегопад,
Там – на мосту, где пруд с рекой граничит,
Кому-то отвечая невпопад,
Любимый взгляд в толпе все годы ищет.

Лишь подойду, меня он гонит прочь:
– Ты предал нас, хотя был мной когда-то.
Зачем пришёл? Чем можешь мне помочь?..
Что я отвечу, всюду виноватый?

Как по ночам беззвучно я кричал
В чужих квартирах среди стен постылых,
А та одна, которую я звал,
В своей дали молчала, не любила...

– Но почему же не вернулся к нам,
Себе устроил самосуд суровый?
– Я приезжал, ты знаешь это сам.
– А что она?..
– Она – жена другого.

Он помолчит и без меня уйдёт
На старый мост, и станет ждать там снова
Ту девушку, что больше не придёт
И не проронит для него ни слова...

*Воргашор (г. Воркута) –
с ненецкого языка переводится как
«ручей у оленьей тропы»*

Я хотел увидеть с давних пор
На краю у Заполярной тундры
Небольшой поселок Воргашор,
Только до него добраться трудно.

Там когда-то девушка жила –
Самая любимая на свете.
Развели нас люди и дела.
Но зачем – сам не смогу ответить –

Так хотелось улететь туда,
Где к ручью вела тропа оленья,
К той, своей любимой: никогда
Не бывает у любви замены!

Сколько раз хотелось мне умчать
Самолетом, поездом, на нартах,
Сквозь пургу «Вернись ко мне!» кричать...
В юность не дают билет обратный.

Вот и не добрался до сих пор.
И, наверно, дело не в билете,
Просто есть поселок Воргашор:
Самая любимая на свете

Там когда-то девушка жила,
По знакомым улицам ходила.
Развели нас люди и дела,
А забыть – всей жизни не хватило...

Отечество моё, УЭМИИТ,
Мой полуостров сердца на чужбине,
Заветный край моих ночных молитв,
Души нерукотворная святыня,
Отечество моё, УЭМИИТ!

Отечество моё, УЭМИИТ,
Наш первый курс, зачётная неделя,
Где солнце января в окне горит:
Моя любовь – награда и потеря,
Отечество моё, УЭМИИТ!

Отечество моё, УЭМИИТ!
Всех клятв и дружб опора и твердыня!
Что так люблю тебя – пусть Бог простит,
И ты прости, что не с тобою ныне,
Отечество моё, УЭМИИТ!

ГИМН
Уральского государственного университета
путей сообщения

Среди транспортных ВУЗов страны
Ты известен давно и по праву
От Уральской родной стороны
До окраин Российской державы.
И на всех факультетах твоих,
В институтах во всех, в филиалах
Инженерную смену растишь,
Что надежней любого металла.

Припев: УЭМИИТ – УрГАПС – УрГУПС –
(2 раза) Для нас ты самый лучший ВУЗ!
 И сердце в такт тебе стучит:
 УрГУПС – УрГАПС – УЭМИИТ.

Где на стыках стучат поезда,
Где мигают огни светофоров,
Выпускник твой дежурит всегда,
Не снижая движенья скорость:
Энергетик, вагонник, связист,
И за пультом огромным – диспетчер,
Сыплет снег или дождь моросит,
В утро раннее, в поздний ли вечер.

Припев (2 раза)

Кто студентами были вчера
Аспиранты сейчас и доценты,
Кандидаты наук, доктора –

Это труд твой и опыт бесценный.
Для стальных магистралей ты стал
Центром кадров и центром науки.
Если кто-то свой путь не избрал,
Без сомнений начнет путь в УрГУПСе.

Припев (2 раза).

ГИМН
выпускников Уральского государственного
университета путей сообщения

Есть на свете работа такая:
Молодых поднимать на крыло,
Выпуская за стаю стаю,
Отдавая им сердца тепло.
Вспоминать всех со светлой грустью
И гордиться успехами их –
Так заботятся только в УрГУПСе
О любом из студентов своих.

Припев: Энергетик, связист и путеец –
Я, наверно, со счета собьюсь! –
Прикладной математик, движенец:
Сколько выпустил вас УрГУПС?
Год за годом, за сменой смена
Уходили, закончив свой ВУЗ,
Оставляя родные нам стены,
Прославляя тебя, наш УрГУПС!

День и ночь у диспетчерских пультов,
Не теряя контроль ни на миг,

Ощущаем биением пульса
Стук колесный в сердцах своих.
До предела натянуты нервы,
Слово «График» впиталось нам в кровь,
Со студенческих лет стало первой
Непременной основой основ.

Припев: Энергетик, вагонник, путеец –
Я, наверно, со счета собьюсь! –
Эсцербист, мостовик и движенец:
Сколько выпустил вас УрГУПС?
Год за годом, за сменой смена
Уходили, закончив свой ВУЗ,
Оставляя родные нам стены,
Прославляя тебя, наш УрГУПС!

Есть на свете такая работа:
Днем и ночью вести поезда,
Ни с какой не считаюсь погодой,
И покоя не знать никогда.
По гудящим стальным магистралям,
Лишь «зеленый» зажжет светофор,
Уноситься к неведомым далям
Сквозь страны необъятный простор.

Припев: Кандидаты наук и доценты –
Я бы сразу ответить не смог –
Скольких вырастил ты из студентов,
Для Российских железных дорог?
И в учебных делах, и в науке,
Почитают тебя головным.
Ты для нас, как отцовские руки,
Навсегда остаешься родным!

Звательный надеж

ПОРА ПОСЛЕВОЕННАЯ

Отрывок*

*Памяти Анатолия Б-ва:
он был одним из тех, кто уходил
из Севастополя при отступлении
наших войск. Моряк, воевавший и
на море, и на суше, он не смог за-
быть боев за оставленный город.
Освободить Севастополь ему не
пришлось из-за тяжелого ранения.*

Там ближе к лету – разговоры страшные:
«По всем приметам – быть опять войне!»
А по субботам – свадьбы с сладкой бражкой,
Столами – вдоль завалинок – к стене.

В разгар веселой пляски с гулким хлопаньем
По голенищам да под свист лихой,
Вдруг женский крик: «Ой, где ты стинул, сокол мой!..»
Плеснется обжигающей тоской.

Все стихнет враз... Всем, дорогое – горькое,
Что никогда с войной не разлучит:
У каждого навек своя история,
У каждого свое кровоточит...

И встанет наш сосед опять как вкопанный,
Припомнив свою службу моряком,

Вдруг крикнет: «Братцы! Немцы в Севастополе!»
Замрет с прижатым к сердцу кулаком.

Зубами сжав концы двух черных ленточек
У бескозырки, спутницы с войны,
Своей другой рукою искалеченной
Прикрыв глаза, молчит. Молчим и мы...

Что видел он? Какие дали горькие?
Кого спасал в последнем том бою?
Дай силы, Бог, хоть одному историку,
Война, минуту описать твою!..

Отставит гармонист к ноге гармонику
И стопку залпом, выдохнув, допьет.
Молчит жених. Невеста, всхлипнув тоненько,
Лицо в слезах к плечу его прижмет:

Пусть шепот о приметах дело спорное,
Но слишком близко прошедшая беда!
А гармонист шумит: «Пляши «Подгорную»!
Кончай печаль! Война? – Да никогда!»

...Пора послевоенная – нелегкая,
Где за спиной, как тень, война стоит.
Считать года – так, вроде бы, далекая.
А вспомнишь – так еще сильнее болит...

*В предыдущих изданиях цикла «Пора послевоенная» этот отрывок не публиковался.

ПОБЕДИТЕЛЯМ

*Памяти моих родных:
семьям Белиных, Богдановых,
Громыко, Обловых, Покидышевых,
Садофьевых, Черепякиных*

Их могилы Война раскидала
От Рязанской земли до Урала,
От Тамбова и до Ленинграда –
Все родные кресты и ограды,
От декабрьских боев под Москвою
До сегодня с Победой святою.

Ополченцы, пехота, радисты,
Минометчики и машинисты,
Жены-вдовы и жены-солдатки,
Все, кому приходилось несладко,
Медицинские сестры в больницах –
Перед памятью их склониться
Мне осталось за всех родных:
За усопших и за живых,

Их детей – моих братьев, сестер,
С Сорок Первого до сих пор,
Где Июньский и Майский рассвет –
Нам с Войны возвращения нет!

Эта Память с рождения в нас:
Каждый день тех боев, каждый час
Всех живых и погибших тогда,
В каждом сердце на век, навсегда!

ГРУЗ ДВЕСТИ

*Воинам, живым и погибшим
в локальных военных конфликтах,
посвящается*

Нас на войну отправили с ним вместе.
Последний бой шел пять часов подряд.
Он перед боем вспоминал невесту.
Сегодня вместе мы летим назад.

Бушлата обгоревший ворот тесен
И душит, словно враг напавший вдруг.
В кармане – документ о «грузе двести»:
Запаян в цинк, лежит земляк и друг.

Нам удалось тогда отбить атаку.
В полубреду он все шептал: «Постой...
Ты знаешь где... Возьми письмо Натахе...
Без почты... Сам... ей отвези домой...»

И вот теперь летим из-под Моздока.
И хочешь себе верь или не верь:
Мой друг погиб за край, от нас далекий,
И вписан навсегда в графу потерь.

Как посмотрю в глаза его Натахе?
Как мне в глаза его родным смотреть?
От правды слов о сорванной атаке
Живым бойца не возвращает Смерть...

Вонзится в небо плач, от горя тонкий.
И будут снова грохотать бои.
И будет Смерть вблизи ходить по кромке
Солдатской кровью залитой земли...

95-летию органов ВЧК-КГБ-ФСБ

*Сотрудникам Управления КГБ-ФСБ
Российской Федерации
по Курганской области*

Погоны, васильковые просветы!
Вас видеть в будни мало кто привык...
Всю нашу жизнь под грифом «сов. секретно»
Укроет в синей папке кадровик:

От первых должностей и первых званий,
Как долго и в каких краях служил,
И почему ЧК избрал призваньем
И как своим призваньем дорожил.

Как даже для родных загадкой слыли
Твои командировки и дела,
Ты поздно приходил в дорожной пыли,
А утром вновь куда-то уезжал...

На четких гранях слова «Безопасность»
Присутствует незримая печать
Командой для тебя предельно ясной
Простых двух слов «Положено молчать».

Для каждого свое за ними место,
Но каждый охранял покой страны,
И из имен, для многих неизвестных,
Слагалось время мирной тишины.

Погоны, васильковые просветы,
Не прячь сегодня по привычке в шкаф:
Всем делом жизни с грифом «сов. секретно»
Перед людьми и совестью ты прав!

ПАРАДНЫЙ МУНДИР

*Людмиле и Александру
Серебренниковым*

Он сразу был в нее одну влюблен
Со старомодным тихим обожаньем;
Без громких слов чтит верность как закон
С мгновений первых первого свиданья.

С тех самых дней студенческой скамьи
Бесменно рядом был в жару и в стужу.
Чего ж еще ждать молодым двоим?
Он скоро стал ее законным мужем.

Потом – ТуркВО: далекий гарнизон,
Вода – на литры, пекло – хуже стужи.
За годом год: одни пески кругом...
Как нелегко жене с военным мужем!

И вроде вот – жизнь улыбнулась им:
Родной Свердловск, и муж, как прежде, служит.
Как любит он, и как в ответ любим –
Всё это в сердце спрятано поглубже.

И вдруг – непоправимая беда:
Его не стало... Шла весна по лужам...
И лишь жена, как в прежние года,
Хранит в шкафу мундир парадный мужа...

Я ШЕЛ К ВАМ

Велимиру Хлебникову

1

*«...Что же делать?! Может,
стихи лучше нужно писать?...»
(В. Хлебников, после встречи
с О. Глебовой-Судейкиной)*

Ни вспять не ступить, ни в сторону:
Вы – каждая из дорог.
Не новая, в общем, история
– Чужая, своя ли – не впрок:

С признанием, с-под сердца вырванным,
Стучаться в чужой покой,
Проситься – куда уж наивнее! –
В сердце другом на постой.

Стучаться к Вам в настоящее,
К Вам, похожей на ту,

В окрашенном грубом ящике
Упрятанную в темноту.

К Вам, похожей до онемения
Жестом, сутью, лицом,
К Евангелию Воскресения,
Входить живым мертвецом.

И с головою опущенной
Вам говорить или той? ...
С-под сердца боль вылушивать,
Изъеденную темнотой.

Стоять многословным заикою,
Готовым сбежать от стыда
И согнуться. Но Вы, многоликая,
Вы догоните или та,

Которой явились откуда-то:
В чьи глаза я смотрю?
Распнете, уйдете, забудете! -
Мартом – по февралю,

Солнцем – по снега таянию,
Утром – сквозь ночь времен,
Вы – неразгаданною тайною:
Явь или вечный сон?

Молча улыбку прячете –
Солнце – по февралю...
«Ищите – и да обрящете!»
Вы слышите:
– Я люблю...

2

«...Помните, я шел к вам,
Шелковые ресницы ...»
(В. Хлебников,
«А я из вздохов дань сплетаю»)

Вы поставили крест на мне.
Я бы рад ошибиться. Не спорьте.
В этой правде гораздо больней
Признаваться. И стыдно. И горько.

Вы же сами ни разу ко мне
– Ни руки и ни теплого слова.
Замки прошлого – груды камней.
Все бывшее – в огне соломой.

Я – как нищий – у Вас молил
Каждый взгляд, даже повод для взгляда.
Отлетела пора молитв.
Подаяния больше не надо.

Ни обид, и ни вин ни чьих.
Пусть останется прошлое свято.
Снова март. И кричат грачи,
Будто им тоже что-то понятно.

Крик грачиный – напевом сирен:
Кто сегодня плывет к ним с Итаки?
Там – надежды коварный плен.
Здесь – руины надежд. Не так ли?

Вы поставили крест на мне.
Я же чувствую. Не возражайте.
Замки прошлого – царство теней,
Где ни Вас, ни меня.
Прощайте.

3

*«...вам, взявшим
неверный угол сердца ко мне...»
(В. Хлебников, «Еще раз, еще раз»)*

...Казалось, что вот-вот –

и я пойму
Как изначальный летний зной, бредя в туманах,
В две головешки вычернит к утру
Глаголы два – «уйдет – умру»,
И ночь метнется в ужасе с дивана.

И простынь белизна замрет черна.
На стенах всех – лица заветный очерк.
Заламывая руки, застонать?
Судить живую боль под всхлипы ночи?
Под звон стекла разбитого окна
С разбега – вниз – с балкона –
разом кончить?..

Ко мне был взят неверный сердца угол:
За боль – еще большее во сто крат.
За что – в открытое – какая в этом удаль? –
Смеясь, швырять – за разом раз – горящий уголь
И слово каждое вонзать по рукоять?

Я до рассвета так хотел дожить,
Увидеть рыжий стриженный затылок,
Как крашек губы ее дрожит
В улыбке...

Неужели «жить» –
Лишь без конца спрягать в прошедшем
«было»?..

МОЛЕНИЕ ОТШЕЛЬНИКА

*Памяти схимонаха Симона
(Онэгина Гаджикасимова)**

1

Царю Безсмертный! Что Ты принесу,
Я, схимонах из пустыни забытой?
Слез искренних иссохшую росу?
От сердца окаянного молитвы?

Истерся мой молитвенник в углах.
Нет и пылинки прежней позолоты.
Несчетная молитва на губах.
Несчетная свеча перед киотом.

Онэгин Юсиф оглы Гаджикасимов (04.06.1937-30.06.2002) – один из самых популярных поэтов-песенников 1960-1980-х годов («Песня о Свердловске», «Восточная песня», «Алешкина любовь» и др.). В 1985 г. принял православие. Позднее был пострижен в великую схиму с именем Симон.

Давно уж стали волосы седы.
Глаза былую зоркость потеряли:
Сливаются вдруг буквы в темный дым,
Как вокруг души плывут, плывут печали.

И трапеза давным-давно скудна,
Но и такую тело не приемлет:
Не куколь – тяжкая грехов вина
Неодолимо клонит, тянет в землю.

Сам от себя ушел в глухой затвор.
И сам же согрешаю непрестанно.
А Ты, Безгрешный, терпишь до сих пор,
А я лишь умножаю Твои раны!

За что, Святый, Ты любишь меня так,
Как сам себя любить я не умею?
В который год и раз погас закат,
И на коленях я – с душою всею –
К Тебе ...

2

Вот и жизнь уж истаяла, Господи.
И все ближе и ближе тот час,
Как предстать ми пред Судия Грозныя.
Что речет Твой Божественный Глас?

Твоим помыслам там ли аз следовал?
Иль плутал среди многих сетей,

В миг любой, как в минуту последнюю,
Весь во власти у воли Твоей?

Не дерзаю просить утешения,
И креста не дерзаю просить:
Поразишь, ниспошлешь исцеление –
Так же свято я буду любить

И стигматы Твои, и распятие!
Об одном днем и ночью молю:
Дай – готов, не готов ли к расплате я! –
Дай исполнить мне волю Твою!

СОРОКОВОЙ ДЕНЬ

*Памяти нашего друга
Валерия Пундани**

Вот не ждал, не гадал среди лета
Перебраться в края иные.
Уж простите меня за это
И жена, и друзья дорогие,

Что не я рядом с вами – портрет мой
И краухой накрытая стопка.
Пусть встречались мы наспех, и редко,
Не затянется в сердце тропка

*Валерий Владимирович Пундани – профессор Курганского государственного университета, доктор исторических наук, действительный член Академии военных наук.

К вам сюда. И отбросьте печали:
Просто я ненадолго вышел.
Вновь вернусь к вам нежданно, нечаянно
Теплым летним дождем по крыше,

В стекла окон начну барабанить,
Свисну посвистом ветра шального...
Вы поймете, кто так хулиганит,
И мы вместе все будем снова!

Памяти Николая Д-ко

Приснился мне умерший старый друг
В какой-то раздевалке или бане,
В руках – нелепый ношенный треух,
Упорно встречи избегал глазами.

Такой же строгий, добрый, молча, звал
Движением руки куда-то ехать.
Мы шли по улице, а он опять молчал,
Глаза скрывая старым лисьим мехом...

Не знаю, где спустились мы в метро.
В толпе, стоявшей на перроне, снова
Молчали все и ждали. И никто
Опять ни с кем не проронил ни слова.

Пришел огромный по длине вагон.
При слабом сером свете шла посадка.

Мой друг уехал. Опустел перрон,
Осталась только брошенная шапка...

Я вдруг проснулся, будто кто толкнул.
Во тьме ночной лежал без сна, взволнован.
А кто-то звал меня, и звуков гул
Беззвучно громыхал в пустынях комнат.

*Старинным домам,
памятникам культуры,
загубленным и снесённым,
посвящается*

В нём было всё изящно-просто:
Два этажа, парадный вход
Лицом на людный перекрёсток,
Где дом стоял за годом год.

Жил к улице соседней боком,
Знал дождь и зной. И ветра бич
Хлестал не раз и арки окон,
И красный некогда кирпич.

Жил для людей открыто, честно,
Дарил им кров, уют, тепло.
Но за добро, как всем известно,
В ответ порой приходит зло.

Весь изнутри перекалечив,
Клетушек тесных накروив,

Те, кто губил, ушли беспечно,
В другой, назначенный для них.

И старый дом, ещё пригодный,
Лишь только руки приложить,
Сломали быстро принародно:
Над битым камнем пыль кружит,

И, фарами сверкая остро,
Машины мчат в ночную мглу...
Впервые шумный перекрёсток
Уснул без дома на углу.

Уснули все, расправой скорой
Не пробудив стыда, тоски,
Когда смели под край забора
Обломки памятной доски,

И нашей памяти обломки,
Её нетленной красоты,
Что в эту ночь ушла по кромке
Прочь от бездушной пустоты...

ГИМН КАРАТЭДО

Нам говорят: «Да разве это спорт –
Друг друга бить ногами и руками?»
Но каратэ – с самим собою спор,
Когда опять выходишь на татами.

Познай себя – прибавь частичку «до»
И станет каратэ твоей дорогой.
Постигни высь, какой не знал никто,
И стань себе судьёю самым строгим.

У пояса концы переплелись
Тугим узлом – надёжно, крепко, рядом.
Путь в каратэ – длиною на всю жизнь.
Пути другого нам с тобой не надо.

Повтор по сто, по двести раз подряд.
Давно от пота кимоно промокло.
Удар – на выдох, вместе – каждый ряд,
Плечо – к плечу, и в каждом – чувство локтя.

Тот никогда тебя не подведёт,
С кем в схватке пот пролили на татами.
Пусть нас судьба однажды разведёт,
Мы сохраним бойцовой дружбы знамя.

У пояса концы переплелись
Тугим узлом – надёжно, крепко, рядом.
Путь в каратэ – длиною на всю жизнь.
Пути другого нам с тобой не надо.

Дорогой этой мы идём не зря,
И в каждом дне неразделимы с нею.
И пусть за годом год летят подряд,
Мы говорим как прежде: «Рэй сэнсёю!»*

*«Сэнсэй, рэй!» – приветствие тренеру(учителю)

У пояса концы переплелись
Тугим узлом – надёжно, крепко, рядом.
Путь в каратэ – длиною на всю жизнь.
Пути другого нам с тобой не надо.

МЕН ДЫЛ ЛЕ*

Цю Мен Черу

*Наш друг Мен Чер
вдруг спел для нас со сцены.
Спел на родном корейском языке.
Дыханье затаили даже стены:
Он пел об одуванчике – цветке*

*Любви наивной, робкой, самой первой,
Что навсегда осталась вдалеке,
А мы храним ей почему-то верность
В заветном самом сердца уголке...*

**Моя любовь! Мой нежный одуванчик!
Откуда ты? Зачем пришла ко мне?
Апрельский ветер, злой подчас обманщик,
Развеет робкий пух твой по весне.**

**Прочь разлетятся с ним твои пушинки
Так далеко: друг друга не найти.
Мелькнет прощально белою косынкой
Прозрачный рой надежд: их не спасти.**

*Мен дыл ле (корейск) – одуванчик.

В чужой земле они осядут где-то,
И станут землю ту родной считать.
Моя любовь! Мой одуванчик! Где ты?
Как я хочу тебя найти опять!

Все эти годы я искал повсюду
Пусть хоть один, хоть слабый твой росток,
И ветер злой не раз встречал я грудью,
И обошел и запад, и восток,

Но не нашел свой нежный одуванчик,
Тот, что однажды, юным, не сберег.
Но стебелек твой я храню как раньше
На перепутьях всех своих дорог.

ЕВГЕНИЮ ТРОСТИНУ

*Из твоей любимой песни, которую ты часто пел нам в студенческие годы:
«Всадники ниоткуда – что это?
Сон ли? Миф?..
Вдруг в ожидании чуда замер
безмолвно мир»**

Настрой гитару, Женя, спой опять
Про Всадников, что скачут ниоткуда.
Им долго-долго над Землей скакать,
Пока умеют люди верить в чудо.

*Из книги А. Абрамова и С. Абрамова «Всадники ниоткуда».

Пока есть кто-то, кто умеет ждать
Наперекор пророкам лихолетья,
То Всадников Непознанная Рать
Ему поможет быть за все в ответе.

Когда снега тревогой закипят,
И мир качнется на последней грани,
Вдруг ниоткуда Всадников отряд
Появится и скроется в тумане.

Их назовет кто мифом, кто-то – сном,
С такими спорить попусту не буду.
Когда ты пел, я видел: над костром
Безмолвно конный строй шел ниоткуда...

*«Нас не осталось – есть такая секта»
Виктор Соснора*

НАС НЕ ОСТАЛОСЬ – ЕСТЬ ТАКАЯ СЕКТА.
Невидимую душу боль занозит.
Невысказанность мыслей или сердца,
Бессменный страж, живёт в тебе и возле.

Нас не осталось. Строки ниоткуда
Витают невесомей листопада.
Сердечный жар или его остуда
Заносят нас опять куда не надо.

Нас не осталось. Но мы где-то живы,
Скорее голосами в телефонах
И светлых слёз в глазах родных наплывом,
Случайнее попутчиков вагонных...

Я все надеюсь, пусть я и не маг,
Коснувшись тайны, отыскать тот путь,
Где стоит сделать лишь заветный шаг
И можно снова в прошлое шагнуть,

Обнять друзей ушедших и отца
И повиниться им во всех грехах...
Мне вот понять бы раз и до конца:
Где нужно сделать тот заветный шаг?..

В ночные часы

БЕССОННИЦА

Хмурая ночь изменила пространство,
Город стал плоской картиной в окне,
У перспективы отняли все шансы,
Совсем не нуждаясь в ее глубине.

Плоское небо, плоские крыши,
Плоского света слепые мазки,
Плоские звуки, которых не слышишь,
Плоская лента уснувшей реки.

Черное с серым, желтые пятна:
Резко, контрастно, без полутонов,
Словно вдруг ночь набросала на ватман
Один из примятых подушкой снов.

Плоские стрелки, раскинувши руки,
Замерли, молча обняв циферблат.
Люстра темнеет громадной мухой
И плоские тени на стенах лежат...

Бессонница... Лишь бы дождаться рассвета,
Увидеть как снова бушует весна,
Ливнем беспечным, на солнце согретом,
Смывает остатки вчерашнего сна...

Если в веках археолог маститый
Прах мой нечаянно вдруг потревожит,
То на останках в яме разрытой
Язвы стигматов увидит на коже.

Сложатся в буквы все язвы на теле,
Вспыхнет имен череда из-под пыли
Сердцем замолкшим любимых до селе,
Пусть и не ведавших как их любили.

Наших сердец негасимая память:
Ей не положишь предел по указу.
Праха безмолвней, укрытого в яме,
Но драгоценней любого алмаза

Чистым сверканьем нетронутых граней,
Гимнов души, не услышанных нами –
Памяти реки с просторов бескрайних
Примут в объятия любви океаны...

Когда по мне прочтут «За упокой»,
Все на земле останется как прежде:
Дым также будет виться над трубой,
И будут таять время и надежды

Уже других, кто еще может ждать,
Влюбляться без ума и куролесить.

«Вернись!» вдогонку прошлому кричать,
И плакать под слова любимых песен,

И убегать один в глухую ночь,
Не зная, доживет ли до рассвета,
И под окном у той, что гонит прочь,
Слагать начало нового сонета.

И будут сеять хлеб, рожать детей,
И дорожить Отчизной в лихолетье.
И оттого дороже и больней
Мне каждый миг, что проживу на свете.

И оттого дороже во сто раз
Мой каждый миг, который не замечу.
И даже тот, невидимый сейчас,
Что отворит однажды двери в вечность...

ДРУГ ПРИЕХАЛ...

Перифраз

Давай за встречу, друг, нальем
И за любимые глаза,
Что снятся нам в краю любом,
И в каждом сне зовут к себе назад

В страну разлук, в страну берез,
Былых надежд, сердечных ран,
И кружит ветер пепел грез,
Когда поет на кухне твой баян:

«Зовут любимые глаза
В их нежном омуте тонуть,
И обожгут как в первый раз
Слова «прощай» и «навсегда забудь»

В стаканах красное вино
И ночь к исходу за окном,
Бездонных глаз хмельное дно
И слов прощальных в горле горький ком.

Летят по небу сентябри,
И журавли зовут с собой.
Закат никак не догорит,
А у нее давно уже другой.

Зовет багряный листопад
К глазам, которых не вернуть,
А я, в который раз подряд,
Твержу себе: «Забудь! Забудь! Забудь!..»

Портвейн открытый на столе,
Почти не тронуто вино.
Прощай, наш вечер в сентябре,
Прощай, любимых глаз хмельное дно...

В моем окне горит звезда,
Своим нездешним светом манит
В недостижимый никогда
Край, скрытый в облачном тумане.

Что в том неведомом краю
Для глаз и для души желанно?
Быть может, там нашли приют
Ответы к самым главным тайнам?

Ответы к тайнам нелюбви,
И как не потерять любимых?
Вдруг только у людей Земли
Сердца ранимы нестерпимо?

А если в стороне чужой
Все беспощаднее и злее?
Но этот свет ночной порой
Мне почему-то душу греет...

Мелькнувшей юности звезда!
Незримой силой притяженья
В твой плен захвачен навсегда,
Я не желаю снисхожденья.

Я слишком близко пролетал,
Осколок из другой Вселенной,
Твой свет неодолимо звал
К твоим глазам, к твоим коленям.

Я бы сгорел в твоём огне,
Когда бы ты вдруг разрешила,
Но крепко держит в стороне
Незримая другая сила.

Меня отталкивает прочь:
– Лети себе куда захочешь!
Она – другого мира дочь,
А светлых звезд так много ночью...

Ни с кем я спорить не берусь
Одно наверняка лишь знаю:
От звезд чужих туда вернусь,
Где свет звезды моей сияет...

Золотом сорил листопад,
Засыпал им улицы, дворы.
Превращая город в Златоград,
Раздавая щедрые дары.

Не жалел последний свой наряд,
Зазывая зиму погостить,
А зима, который год подряд
Также не спешила приходить.

Чернота асфальтовых дорог
Запылала цветом золотым,
Плыл с восходом солнца на восток
С крон деревьев золотистый дым.

Налетали ветер, дождь не раз,
Уносили золото с собой:
Может где-то спрятать про запас,
Может быть от жадности слепой.

С опозданием, но придет зима,
Серебром засыплет Златоград,
Будет до весны хранить сама
Все, что подарил ей листопад.

Желтый закат догорает над лесом
Слева в купейном окне.
Поезд несется как будто в то место,
Где солнце пылает в огне.

Рвется со всей своей мощью стальной,
Рельсы вминая в бетон,
Ветер ли, сбитый вагонами, стонет
Или земли тихий стон

Из-под сугробов я слышу невольно
В стеклах дрожащих окна?
Справа – бескрайнее зимнее поле,
Слева – деревьев стена.

Долгий закат догорел. Потемнели
В небе над ним облака.
Рвется сквозь сумерки поезд мой к цели,
Рельсы вминая в закат...

Поздней ночью дождь разбудит
Стуком капель по балкону.

По стеклу слезиться будет
Свет фонарный. Вдруг застонут

Сквозняки с порывом ветра,
Чьи-то тени догоняя.
Встрепенутся чутко ветви,
Листья жёлтые роняя...

Дождь. Октябрь. И на асфальте
Облетевших листьев груды
Шелестят: «А что же дальше?
Что же дальше с нами будет?..»

Стук неровный крупных капель:
Дождь холодный – гость незванный.
Мокнут листья на асфальте
Золотой парчою рваной...

Десять дней после Покрова:
Ни снежинки, и ни льдинки.
Спят, укрытые в коробки,
Наши зимние ботинки.

Дождь. Октябрь. Во мраке тонет
Тротуаров даль ночная.
Сквозняки летят со стоном,
Чьи-то тени догоняя,

По притихшим градам, весям,
По деревьям с дремой чуткой,
Прямо к краю поднебесья,
Где уже родилось утро.

Сквозь осенний день короткий
Заспешит оно к закату.
Что ему людей заботы,
Жизнь, любовь, и боль утраты,

Как она невыносимо
Стиснет грудь тоской без крика
Холодом промозглым, зимним.
В комнате темно и тихо...

СНЕГ ИДЁТ

Тихо падает снег с высоты –
Невесомый, пушистый, белый.
В белом крыши, деревья, кусты.
Вдоль сугроба с опаской, несмело

Лапы ставит гулёна-кот.
Где-то рядом фырчит машина,
Опасаясь дать полный ход
Или просто жалея шины.

С тёмно-синей небес высоты
Снег летит почему-то белый.
Лес, дороги, поля и мосты
Стали за ночь белее мела.

Скоро снова уже Новый год.
До свидания, год уходящий!
Просто снег третий день идёт,
Сыплет с неба надежды на счастье...

В эту ночь в небесах – ни единой звезды,
Неоглядная черная бездна,
Лишь огни фонарей у краев темноты
С отражением в окнах бледным.

И – почти тишина, только редко гудки
Окликают друг друга робко.
Гул неясный порой долетит от реки,
Дверь подъезда за кем-то хлопнет.

И машины – не мчатся, а еле ползут,
Даже «Скорая» едет неспешно,
Словно сны для людей осторожно везут
По отдельности и вперемешку.

Растянулись минуты в часы и года,
Краткий миг превратился в Вечность,
Словно Время куда-то ушло навсегда
Отоспаться хоть раз беспечно.

До апреля – неделя. Кончается март.
И погода – то «плюс», то «минус».
Где-то рядом Весна свой зеленый наряд
Примеряет пока на вырост.

«...Погаси пламень страстей моих...»

И солнце всё так же встаёт,
И так же приходят апрели.
Который кончается год,
А я до сих пор не верю,

Что где-то – твой тихий холм,
Его, как тебя, обнимая,
Лежал я к земле ничком.
Душа моя там, чуть живая,

Наохлившись птицей, ждёт:
Вдруг завтра всё станет иначе?..
Который кончается год?
Душа втихомолку плачет,

Обняв дорогой обелиск,
Заветные шепчет мысли.
Любовь – лишь души каприз?
Каприз. А дороже жизни...

Мокрый черный блестящий асфальт
С ярко-белой дорожной разметкой,
Фонарей отраженья горят
В каждой капле дождя на ветках.

И двойным отраженьем в окне
Сквозь стекло полуслепо мигают,
Словно просят в гости ко мне,
Только повод зайти не знают.

Далеко – или близко? – гудки:
Тепловоз, невидимка бессонный,
Среди ночи в свои тупики
До утра снова прячет вагоны.

До утра кто-то спит, кто-то – нет,
Тишину измеряя взглядом.
Тени сложились в твой силуэт
И колышутся тихо рядом.

И ложатся на руки мои,
Как ложились твои когда-то.
В небесах ни звезды не горит
И к тебе нет дороги обратной.

Только память, палач мой ночной,
Опалит вновь огнем нестерпимо.
Вы нашли среди звезд покой,
Души наших усопших любимых?..

Он каждый год приходит этот день –
Тот черный день, когда тебя не стало,
Не зная исключений и замен,
И ничего нельзя начать сначала.

Можно сорваться, как в пропасть, с другими – от горя,
К небу по-волчьи ночами вздымая глаза.
Можно молчать, и, себе наступая на горло,
Прятать от губ твое имя годами. Назад

В мир, где мы вместе, давно – ни пути, ни тропинки.
Каждому – крест свой по силам в юдоли земной.
Данники времени, вечного неба пылинки,
Каждый – свой мир мы храним и уносим с собой.

Март на исходе. Капель. И звенит птичья песня.
Солнце слепит, уплывая все выше в зенит.
Наши миры – неразрывны с рожденья навечно.
Может не птица, душа так поет в небеси?..

Снова чайки тревожно кричат во дворе,
Словно следом за мной из Одессы
Прилетели тогда по апрельской поре,
А теперь не находят места.

Точно также, срываясь у моря со скал,
С горьким воплем носились над сушей.
Помню, кто-то у нас за спиною сказал:
«Чайки – это умерших души.

Кто из жизни ушли, но вернулись сюда
Что-то важное нам поведать...»
А другой рассмеялся в ответ: «Ерунда!
Просто тоже хотят пообедать».

Только ты так серьёзно смотрела на птиц,
Вдруг поверив их миссии важной.
А когда они близко совсем пронеслись,
Прошептала: «Уйдём! Мне страшно».

... Среди белого дня очень трудно принять
Чью-то фразу за правду Свыше...
Мне в тот день никогда не вернуться опять
И твой голос во сне лишь слышать.

Слышать, как шелестит над тобою трава,
Прижиматься лицом к обелиску.
Вспоминать за спиною чужие слова
И как чайки промчались близко...

Помнишь, как луна сияла?
Уходя, ты написала,
В уголке листа, без точек:
«Приходи Когда захочешь».

А потом тебя не стало.
Долго боль меня кромсала.
Но среди несчётных пыток
Я шептал свою молитву:

– Приходи, когда захочешь.
Хочешь – даже среди ночи,
Хочешь – самым ранним утром,
В миг, когда проснутся трудно,

В миг, когда ты снова снишься,
Вздрагнут вдруг твои ресницы,
Словно мысли мои слышишь
Где-то там, над нами, свыше...

Слышишь каждую секунду
И тебе совсем нетрудно
Вновь войти, как в жизнь когда-то.
На листке, не ставя даты,

Перед самым расставаньем –
Долгим, нет – не знали сами –
Написать всего лишь строчку:
«Приходи Когда захочешь».

Приходи, хоть на минутку,
Самым ранним чутким утром,
Прикоснись к лицу ладонью
Среди тысячей бессонниц...

Среди тысячей бессонниц
Я ищу твои ладони,
Натыкаясь лишь на память –
Самый острый в мире камень,
И на твой округлый почерк:
«Приходи Когда захочешь»

АГАПО*

Я увидел тебя. Все внутри онемело:
Разве снова к живым отпускают с небес?
На экране певица по-гречески пела,
А в глазах у тебя – слез невысохших блеск.

Как в далеких Солониках ты оказалась
Среди зала с цветами на красном полу?
Улыбалась, а взглядом кого-то искала,
Как искал я повсюду тебя лишь одну.

«Агапо», «агапо» призывает певица,
И взлетает навстречу лес поднятых рук.
Над глазами твоими взлетают ресницы,
Только скорбная складка в углах твоих губ.

Белый-белый цветок в сжатой левой ладони,
Поворот головы, быстрый взгляд на экран...
Может, вам в небесах разрешают нас помнить?
Может, вправду, порой отпускают вас к нам?

Скоро кончится клип, и ты снова вернешься
В те края, о которых нам знать не дано.
Но останется здесь незакатное солнце
Той любви, что случилась когда-то давно...

*АГАПО (греч.) – любить

ТРОИЦКАЯ СУББОТА

Лето. Троица завтра Святая.
Зной и пыль. Все в пуху тополином.
Я впервые тебя умываю:
Свежей влагой – глаза любимой.

Умываю глаза и губы,
Все лицо родниковой водою.
Тополиного пуха клубы
Вьются, кружатся над тобою,

Ждут Сошествия Духа Святого
На любую былинку живую.
На лицо твое льется влага
И стекает на землю сухую.

Но вначале стекает на буквы
Раскаленного солнцем камня,
Откликаясь в памяти глухо:
...Любим... Помним... Ушла так рано...

Влажным паром от камня дохнуло,
Словно в жарко протопленной бане,
Словно где-то в ответ ты вздохнула:
– Не печальтесь. Душа моя – с вами.

Я цветы положу на землю,
Поклонюсь и прочту молитву.
От сияния дня ослепну,
От слезы ли – но глаз не вытру.

Полдень полон пчелиным гудом,
Облака вдаль плывут беззаботно.
Я не знал до сих пор как трудно
Приходить на свиданье в субботу...

Святый! Я столько в жизни лгал
В угоду обстоятельствам и службе!
Коль мог, то от стыда бы запылал
Свечой, ни Небу, ни земле не нужной.

Но та свеча внутри меня горит,
И в беспощадном пламени сгорая,
В бессонницах прошу Тебя: «Прости!»
...Молчишь и Ты, и Мать-земля сырая...

Наступит день – и я дотла сгорю.
Не стану по ночам Твой слух тревожить.
И пепел мой остывший поутру
Развеет ветер вдоль по бездорожью.

Где пролетал – пусть всходом прорастет:
Березка, клен ли ветви к небу вскинет
И вышине увидит птиц полет
То деревце. Пусть только не осина...

Страшно, Боже! Как же страшно
Жить в грехах незамолимых,

Ежедневно, ежечасно,
В каждый миг, спешащий мимо,

Согрешая непрестанно
Делом, помышленьем, словом,
Наносить кому-то раны,
Но к Тебе стремиться снова,

Припадая в покаяньи
К образам, к земле пред ними,
Всею сутью окаянной
«Господи!» просить, «Прости мне!..»

В час глухой, в час третьей стражи,
Просыпаться от бессониц,
Вновь молить: – Как жить мне дальше,
Если не простишь сегодня?..

Сердца камень слезы точат
От нечувствия до боли:
– Помоги мне, авва Отче!
Все вершится Твоей волей!

И избавь от обстоянья,
Но пусть будет, как Ты хочешь!
С запоздалым покаяньем
Я стучусь к Тебе средь ночи.

В час глухой, в час третьей стражи,
От грехов незамолимых

Жить так стыдно и так страшно
Среди дней, текущих мимо.

Не пощады, лишь прощенья
Дай душе, что кровоточит!
Отпусти мне прегрешенья,
Многомилостиве Отче!

*«Помилуй, мя, Боже,
по велицей милости Твоей...»
Псалтырь, кафизма 7, псалом 50*

Помилуй мя, Боже! Помилуй!
Се бо в беззаконных погряз!
В молитве сгибаю спину
В который сегодня раз!

Очисти мя, Боже! Очисти!
Щедроты Твои не счесть.
Грехи своей брэнной жизни
Сколько еще мне несть?

Се бо в беззаконьях живущим
Премудрость свою явил.
И боле, чем хлеб насущный
Ту истину я возлюбил!

Иссопом мя окропиши
И паче снегов убелюсь!

Дай радость веселия Свыше!
Сними грехов моих груз!

И от кровей мя избави!
Возрадуюсь Правде Твоей!
Идти путем Твоим правым
Других научу людей!

И сердце мне чисто созижди!
Дух прав обнови во мне!
Прости меня, Боже Всевышний!
Не отходи от мене!

Сердец сокрушенных, смиренных
Молитву прими от души!
...Пред Ликом Твоим на коленях
Склоняюсь в ночной тиши...

СНЫ
В КАНУН ПОКРОВА
ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ
триптих

1. Сон первый: День 14 месяца ниссан

... Где-то вблизи по камням гроыхала телега.
Гвозди для жертв из мешка выпирали как когти.
Мерная поступь рубила оглохшее эхо.
Солнце пылало на кончиках воинских копий.

Жадный до зрелищ народ не хотел оставаться
В улицах душных: к закату вернуться успеют.
Новый Мессия Любовь проповедовал, Братство.
Только привычней молиться для всех Моисею.

Сколько пророков в их Город Святой приходило?
Изгнано сколько и сколько камнями побито?
Пыль вот осядет, что вслед за телегой клубилась,
Имя и Нового будет к утру позабыто.

... Тише и тише вдали громыхала телега,
В колком венце нес Сын Божий Свой Крест на Голгофу.
Рядом спешила толпа с громким криком и смехом:
С Крови Невинной опять начиналась Эпоха...

Вечером, в лучших одеждах, читали «Агаду»
К Празднику Пасхи – про горький исход из Египта,
Следуя строго канонам молитв и обрядов,
Вряд ли горюя о Крови, невинно пролитой...

...Двадцать веков пролетело почти как мгновенье.
Сколько народов исчезло и сколько родилось!..
Но назиданьем, как в школе урок повторенья,
Прошлая Казнь почему-то опять мне приснилась.

С улицы крики ворвались все те же и хохот,
Ярких видений черед обрывая случайный.
Кто-то опять сквозь толпу нес Свой Крест на Голгофу.
Громко смеялись зеваки над чьим-то страданьем.

Кто-то молился: «Помилуй, Отец наш Небесный!»
Эхо молитву на всех языках повторяло.
Вдруг зазвучала она на родном арамейском:
Женщина в белом сходила с Небес с Покрывалом.

Мир и покой воцарились вокруг. Посветлело.
Ночь отступила, теряя последние силы.
В тихом рассвете неясное что-то белело.
Чье-то родное лицо надо мною склонилось...

2. Сон второй: Рассказ легионера

Я был в оцепленьи
У самой вершины Голгофы,
От места распятий
Длин в семь боевого копья.
Вначале казалось:
От воплей несчастных оглохну,
Но втайне был рад,
Что мучитель их нынче – не я.

Нет чести для старого воина
В пытках и казни,
Пусть варвар есть варвар,
Пусть даже приказ есть приказ.
Ударом меча
Человечнее кончить все разом,
Не слышать их криков,
Не видеть страдальческих глаз.

От зноя и боли
Два крайние начали бредить,
А средний
«Помилуй нас, Отче!» вдруг выкликнул ввысь.
Зеваки орали:
«Добейте! Чего с ними медлить!»
Жестокие? Нет.
Просто к Пасхе своей собрались.

А средний смотрел, и все слышал,
От мук нестерпимых не плакал,
И взглядом своим
Он нечаянно встретил мой взгляд.
И тут же я понял:
Он – Свет и Спасенье от Мрака,
И мне без Него
Нет пути ни вперед, ни назад.

Наш сотник-рубака
С лицом от решимости бледным,
Под ребра
Сам среднего ткнул оконечьем копья.
И вытекли кровь и вода,
Почернело враз небо,
Ему отозвалась
Дрожаньем и гулом земля.

А вечером сотник
Меня отыскал у палатки:
«На нас эта смерть.
Ты согласен со мной, Домиан?»

Не будет отныне нам
Общей дороги с Пилатом.
Другому всей верой
Послужим теперь, ветеран!»

И этой же ночью
Ушли мы в Кессарию тайно,
И Правду о Казни
Спешили поведать другим...
Вчера нас схватили,
Казнят, зная не зная о главном:
Все раны людские
От века оплачены Им!

...Казнен уже сотник Гай Кассий.
И час мой, наверно,
Пробьет вслед за ним.
Никому не солгав ни на гран,
Достойно, как в битве,
Приму свою гибель за веру,
Я,
первой центурии бывший декан,
Домиан.

3. Сон третий: Тропарь

Господь внимал: на арфе златострунной
Играл престолам юный отрок-ангел
И кто-то пел. И над весельем шумным
Плыл чистый голос, вторя звукам арфы.

А голос пел о нивах плодородных,
Ручьях, прохладной тени рощ масличных,
О знойном ветре и песках бесплодных
Земли, к любым лишениям привычной.

Пел о лесах, морях, штормах-скитальцах,
О чудных птицах, женщинах прекрасных,
О страсти, войнах, чудаках-страдальцах,
Искателей пути у жизни страшной.

Пел об Одном, принявшем Крест и муки
За все грехи до днесь людского рода,
Как над Челом Святым кружились мухи
У капель крови на потеху сброда.

Толпа глазела с любопытством черни,
Потом ушли к вину и свежей пасхе.
Лишь плакал ангел в сумраке вечернем
О Смерти Искупительной. Но разве

Кто понял это, торопясь на ужин?
Ведь люди были, будут только люди.
И каждый сам к своим грехам осужден,
И каждый сам за них в ответе будет.

Так голос пел. Господь спросил с любовью:
– Чем ты встревожен? Что, скажи, случилось?
И молвил ангел: – От земной юдоли
Еще одна душа к Тебе прибилась...

МОЛИТВА ГОСПОДНЯ

Я хотел прочитать сегодня
С чистым сердцем Молитву Господню,
С первой фразы «Отец наш Небесный!..»,
Каждым слогом звенящею песней.

Но вмешалось вдруг Эхо без спроса,
Мне запел незнакомый голос,
И на греческом звуки лились:
«Πάτερ ἡμῶν ὁ ἐν τοῖς οὐρανοῖς!..»*

Отголоски едва лишь стихли,
«Unser Vater in dem Himmel!..»*
На германском запело наречьи
Эхо, не спавшее целую вечность.

Эхо пело окрест на латыни,
Пело в Польше, на Украине,
Пело Эхо на белорусском,
На церковно-славянском и русском.

В Высь Небесную Эхо летело
И Торжественной Славою пело
На Земле в каждом крае, везде:
«Да святится Имя Твое!..»

*В русской транскрипции «Патер имон о ен тис уранис!..» и «Унзэр фатэр ин дэм химмель!..». Канонический перевод обеих фраз: «Отче наш иже еси на небесех!..»

Песнь песней

«Положи меня, как печать, на сердце твое...
ибо крепка, как смерть, любовь...»
(«Песнь Песней Соломона», стих 8.6)

Великий Путаник, Любовь!
Душа, Неверный Поводырь!
Край Очарованных Слепцов!
Мечты Небесный Монастырь!

Я жизнь вам отдал, а не дань,
Почти ослеп, на вас молясь,
Весь в шрамах от несчетных ран
За Право Верить только в вас,

Я, Жрец Сияющих Вершин,
Хранитель Храмов и Икон,
На столько лет – всегда один,
Без риз бесценных и корон,

Изгой и изгнанный не раз,
За мной – ни злата, ни палат,
Лишь отзвук отшумевших фраз,
С последним словом «виноват»,

Но враг мой спросит или брат
Казнюсь ли прошлым, не казнюсь,
Скажу: «Ни дня не дам назад!
Ни от чего не отрекусь!»

«Встану же я, пойду по городу, по улицам, по площадям, и буду искать ту, которую любит душа моя!»

(«Песнь Песней Соломона», стих 3.2)

И вот вернусь
В тот город, где живем,
Где ты и я
На триста с лишним тысяч,
На сотни тысяч где
Мы – не вдвоем,
Где каждый третий
суть лишь – третий лишний.

На миллионы окон и дверей
Одно окно и дверь одна
Закрыты.
Где, в общем, все у всех –
Как у людей;
Где каждый первый
Суть лишь – позабытый.

И что мне
Круг сомкнувшие ноли,
Обманы вычитаний и сложений;
На миллиарды
Без тебя – один,
Будь хоть богач-герой,
Хоть нищий гений.

«Не сотвори кумира!» –
Я творю.
Из прошлых жизней
Призрак-неудачник
Пришел к тебе
И клятвы говорю,
И верю им –
Твой искренний обманщик.

И что тебе
Мой тот святой обман!
Ты свой обман
Себе творишь...
Но Слово:
Всю боль твоих
Еще грядущих ран
Моя душа,
Как дар,
Принять готова!

*«О, ты прекрасна, возлюбленная
моя, ты прекрасна!..»
(«Песнь Песней» Соломона,
стих 1.14)*

Любимая моя! Как ты прекрасна.
Душа немеет, слов не находя
Достойных самых, самых светлых, ясных,
Сказать, признаться, как люблю тебя.

Любимая, жена моя! С годами
Приносят будни разное для нас.
Но лишь любовь пусть остается с нами
Как в день признаний наших в первый раз.

Не хватит слов – в твои ладони спрячу
Лицо как сердце в самый нежный кров,
Словами не решив любви задачу,
Но ты меня поймешь без всяких слов...

«...Пленила ты сердце моё...»
(«Песнь Песней Соломона»,
стих 4.9)

Ты рядом или далеко,
Мой каждый шаг – с тобою вместе:
С моей женой на сто веков,
С моею лебединой песней.

Мы всюду вместе. Каждый миг –
Он твой и мой одновременно:
И наяву, и в снах моих,
Без зыбких «если б» и «наверно».

Глаза в глаза – до немоты
Пронзает душу двуединство
Местоимений «я» и «ты».
Ты – всех надежд заветных пристань.

Во всех морях ты – мой маяк.
Ты – боль, что с каждым днем сильнее.
Ты – все, чем жив сегодня я.
Уйдешь – в тоске окаменею.

Мы вынесли – не дай их Бог! –
Такие лютые напасти!...
Есть только ты на сто веков
И никого тебя прекрасней.

Ты знаешь это и без слов.
Мне без тебя нигде нет места –
Моей жены на сто веков
И сердца Лебединой Песни.

Такая разная во всем

Такая разная во всем,
Сама с собой почти несхожа,
Ты – та, которую мы ждем,
И без которой жить не можем,

То дар небес, то страшный грех,
Ворвешься счастьем или болью –
Такая разная для всех!
Кто в силах справиться с тобою?

Ворвешься и подаришь вдруг
Надежду там, где нет спасенья,
Тепло родных любимых рук...
Неповторимее мгновенья

Промчится долгой жизни век,
И станет каждый миг дороже
С тобой – которой мы живем
И никогда забыть не сможем...

И в третий день везде царила ночь.
Кружился снег в воронке фонаря.
Уснувший дом – неосвещенный челн –
По небу звезд плыл третий день подряд.

Земля звенела, мерзла. В октябре
Царила дней вторая половина.
Шел третий день мой – только о тебе.
Шел третий день мой – только о любимой.

Цеплялись звезды за края ресниц
И щеки обжигал их влажный холод.
Вселенная неслась то вверх, то вниз,
Вздыхал о чем-то наш уснувший город.

Пульсировал планеты спящий ком
И бормотал на тысячах наречий.
И легкокрылым летним мотыльком
Июльский день летел ко мне навстречу.

Летел ко мне: с тобой – и без тебя.
И грусть, и радость. И ни шанса – вместе.
Так и хожу, весь спящий мир обняв,
Лишь иногда мигнет по-свойски месяц.

В метро свистели сквозняки,
Скрипели тормоза составов,
Звенели в кассах пятаки,
Платформы плыли слева, справа;

И лица к лицам – вверх и вниз:
В два нескончаемых потока
Текло и плыло столько лиц,
Что становилось одиноко

От неприсутствия лица,
Которое одно и свято:
Я столько улиц отлистал,
Но от него себя не спрятал.

И понапрасну шлифовал
Подошвами асфальт столицы:
Нигде тебя не отыскал
В чужих – навстречу – женских лицах...

Наших свиданий наивную строгость
Я не решался признаньем пугать:
Как мне хотелось, моя недотрога,
Руки твои и тебя целовать!

Годы разлуки – их было так много! –
Сон или явь? Не признался опять
Как мне хотелось, моя недотрога,
Руки твои и тебя целовать!

Вот показалась к закату дорога.
Дай напоследок всю правду сказать:
Как мне хотелось всегда, недотрога,
Руки твои и тебя целовать!

ОЖИДАНИЕ

За окном воеет ветер простужено.
От тебя – ни звонка, ни строчечки.
Снег к стеклу прилепился подслушивать
Разговоры с тобой полночные.

Холод. Ночь. Да метель завьюжила.
Ни звонка с телефонной станции.
Ночь. Зима. Лишь снежинки кружатся
С их холодными странными танцами...

Ждать, надеяться, помнить – да нужно ли?
Ночь. Снежинки. Их танцы странные.
Сердцем даль до тебя выслушивать.
Разве сердце не может обманывать?

Сквозняки между рам запутались,
Засвистели, со стоном заплакали.
Ночь и небо – оснеженным куполом,
И секунды – замёрзшими каплями...

Опять молчат все в мире телефоны
И вместо слов – то тишина, то гул.
И снова давят атмосферы тонны
На грудь, на сердце: словно ты уснул

И в страшном сне, в какой-то липкой тине
Увяз и тонешь на глазах у всех.
Проходят люди равнодушно мимо
И глухо долетает чей-то смех.

Никто тебе подать не хочет руку,
Но не со зла, нет: ты не виден им.
От липкой тишины гортань распухла
И сам себе уж кажешься глухим.

...Вдруг слышится порой: тебя зовут!
Из сил последних ты на зов рванешься!
Кошмарный сон?
Нет. Все гораздо проще:
Я без тебя так каждый день живу...

ОБИДА

С укором совесть мне: «Мирись».
Шипит гордыня: «И не думай!»
А вдоль небес осенних ввысь
Плывут два облака бесшумно.

Из-за чего же все не так
И свет другой сквозь стекла окон?
Тебя обидеть я никак
Не думал даже ненароком.

Два облака уплыли ввысь,
Желтеют клены до макушек.

С укором совесть мне: «Мирись,
И не гордыню – сердце слушай».

Без спросу налетит зима,
В метелей рваные одежды
Упрячет всех обид дурман,
Засыплет снегом все надежды.

И ту, последнюю, что нас
Так помирить с тобой хотела,
Начнем искать вдруг, и не раз,
Под ветра свист, в сугробах белых...

Я и не знал, что ты такой бываешь:
Проходишь мимо, пряча в пальтецо,
Как будто видеть мне не разрешая,
Целованное столько раз лицо.

И про запас уже готова резкость,
В карманах пальцы сжались в кулачки.
Свою обиду прячешь так по-детски,
Неловко, словно школьница – очки.

Почти бежишь, но не ко мне, а – мимо.
Рука метнулась козырьком к глазам.
Что я скажу?.. Я помню всех любимых.
Особенно – кого обидел сам...

Он шутник был, наверное, тот,
Кто придумал слова «Время лечит»!
Сердце ноет, рассвет не идёт:
Где-то ты мне не вышла навстречу.

Ты не вышла когда-то давно
И тебя упрекнуть здесь не в чем:
Если стало тебе всё равно,
То честнее не выйти навстречу.

Но зачем же тогда мне ждать,
И судьбе каждый раз перечить,
Год за годом пытаюсь понять:
Почему ты не вышла навстречу?

Почему с тех далёких времён,
Где мгновенье длинней, чем вечность,
От меня убегает сон?
Ты не вышла ко мне навстречу!

Вновь весна открывает сезон,
Жребий счастья бросая: чёт – нечет.
У кого она вырвет стон:
Почему ты не вышла навстречу?

Ожиданье знобит до нутра,
Я пытаюсь расправить плечи:
Где-то в очень далёком ВЧЕРА
Вдруг ты вышла уже навстречу?..

Наконец долгожданный звонок,
Голос твой несравненный, сердечный:
«Я подумала... Ты бы не смог
Выйти прямо сейчас мне навстречу?»

Где-то радио громко поёт.
Улыбаюсь проходим беспечно,
Не пытаюсь скрыть счастье своё:
Мне любимая вышла навстречу!

Каким я виделся тебе
В те наши дни перед разрывом?
И что дотла должно сгореть
В прощанья час с вчера любимым?

Что я ужасное свершил?
Чем скушен стал так нестерпимо?
Чем навсегда опустошил
Себя в глазах своей любимой?

Скажи, что ты пережила,
Ступала по каким обломкам
Там, где вчера весна цвела,
На утро – лишь золы каемка?

А может было все не так
И только зря терзаюсь снова?
Вдруг это в сущности пустяк:
Забывать и полюбить другого?

И мне все тоже позабыть,
Судьбы причуде рассмеяться:
Да мало ли что может быть,
Когда тебе лишь восемнадцать?

Но если я убил мечту,
Прости все вины в давнем мае.
Особенно прости за ту,
Которой за собой не знаю...

Это мосты разводят,
А люди расходятся сами;
Потом кто-то долго ходит
С заплаканными глазами...

«Прощай!» стоит за каждым «Здравствуй!»,
Нежданной болью станет вдруг.
Жизнь слишком коротка для счастья
И бесконечна для разлук.

Вслед за теплом придет ненастье,
За ним – снега и холода.
Короткая минута счастья
Разлук дороже нам всегда!

Не спи!

Сегодня Ночь таких Утрат,
Что даже память стонет.
Страшно. Пусто.
Целованные столько раз уста
Бранятся откровенно зло, искусно.

Не спи!

Сегодня – Ночь для похорон
Надежд Последних в саване метели.
Колючих слов в лицо обмёрзлый ком
И даже губы вдруг заледенели.

Не спи!

Сегодня – Ночь для похорон
Заветного, До Боли Дорогого.
И ты, еще вчера Наполеон,
Потерь не в силах счесть под Ватерлоо.

Сегодня –

Ночь поруганных знамен.
Что не растоптано еще, не оскорблено?
И приговор уже произнесен:
Следы чужие на святых знаменах.

Не спи сегодня!

В чем неправ – прости.
Уйду, другой щеки не подставляя.
Я без тебя не представлял пути,
Ну, а теперь –
с тобой не представляю.

Я с похорон моей любви с тобой.
Там было все по высшему разряду:
Был купол неба в меру голубой,
Сосульки плакали над головой,
Плыл черный дым над заводской трубой
И вой клаксонов был таким как надо.

Март хулиганил, но прилично, в меру:
Плескалась грязь из-под машин на снег
И даже на людей, что, в общем, скверно;
И первый грач кричал немножко нервно,
Из лужиц голубь пил, встопорщив перья,
И, брызгаясь, взлетал куда-то вверх.

Дома остались на местах вдоль улиц,
И улицы не путали домов.
Сверкали солнца блики; караулом
Деревья в ряд стояли, чуть сутулясь,
И фонари печально шеи гнули,
И ветер нес обрывки чьих-то слов.

Шли люди: вместе, врозь, а кто – вдвоем.
Вдвоем – не мы: как в прежний март когда-то
Земля не взмоет в выси окаем...
Вдруг я услышал, словно через вату:
«С ума сошли? Куда – с таким лицом?..»
Я повернулся и пошел обратно...

Постскриптум. Траур можно не носить:
Ведь не было твоей любви ни грана.
Пустое стоит ли печали и тоски?
Стихи сожги. Когда сгорят листы,
Их теплый пепел не сжимай в горсти,
А отпусти на волю утром ранним.

Я так хотел все зачеркнуть, забыть:
Твой цвет волос, глаза, походку, голос;
Всю память, словно зеркало, разбить,
Осколки выметая с мелким сором.

Я все испробовал: браваду, ложь, цинизм,
Чужие города, чужие губы.
Как зверь в капкане лапу, душу грыз,
Сбежать желая от себя так глупо...

За много лет – без счета стыдных вех,
Но в прошлом лишь запутался сильнее.
Убить любовь есть страшный смертный грех.
Но как же больно жить все время с нею...

Там, где юность беспечно цвела
Среди праздников яркого мая,
Ты внезапно меня предала,
Почему – до сих пор не знаю.

Называла родным, дорогим,
Заверяла: к подруге едешь.
А уехала вдруг с другим.
Факты прошлого не изменишь.

Я твою фотографию сжег,
Спешный суд совершая заочно.
Как тот пепел глаза мне жжет!..
Память тоже сгорать не хочет.

Ничего не изменишь в судьбе,
Не пробьешься сквозь прошлого стену.
За любовь благодарен тебе!
Благодарен тебе за измену!

Благодарен за честность, за все,
И за то, что такую встретил!
Но как больно глаза мне жжет
Догоревшего фото пепел...

ЗАПОЗДАЛОЕ ПРИЗНАНИЕ

С первых строчек на школьных тетрадных листах
– Разве можно поверить в такое! –
Столько лет, сам себе опостылевший враг,
Буду жить нашей встречей с тобою.

Буду где-то бродить по дворам проходным,
Обнимая случайных женщин.
По утрам той весны не растаявший дым
Будет горек ничуть не меньше.

Разве можно в руках горький дым удержать,
Даже если он жизни дороже?
Забегашь вперед, лишь бы вспять не бежать,
А плутаешь глухим бездорожьем...

Мне улыбкой твоею, творя чудеса,
Вдруг слова превращая в пенье,
Хором ангельским плыли людей голоса
Среди майского дня цветенья.

То взмывала нежданно земля к небесам,
То вдруг рушилось небо на землю;
То во сне, припадая к медовым устам,
Пил и пил колдовское зелье...

В поворотах судьбы, нажимая на газ,
Весь в огне, мчал навстречу ветру.
Разбивался я вдребезги тысячи раз,
Сотни тысяч – вставал из пепла.

Я по льдинам ошибок к твоей стороне
Все спешил поперек ледохода,
Только льдины ломались и били по мне
На глазах у всего народа.

Ты вдали не вольна даже руку подать:
День вчерашний пылает над лесом.
Мне к тебе – не доплыть, от себя – не сбежать,
И ни шанса – с тобою вместе...

Я так любил... А ты тогда ушла.
Ушла совсем, обыденно и просто,
Как будто бросив скучные дела.
А память всё зачем-то сберегла:
Все даты, чувства – вместе с болью острой.

Я так хотел от боли той сбежать,
Умчался навсегда в края чужие,
Невольных слёз во сне не мог сдержать,
Когда неожиданно снилась ты опять...
Так вот, поврозь, но вместе, мы прожили

С тобой всю жизнь. И что сказать теперь?
Что оба были мы тогда не правы?
На картах мира нет Страны потерь,
Но даже в ней, под страхом слова «смерть»,
Едва ли есть ответы к слову «правда».

Да и зачем нам поиски вины:
Моей, твоей – сейчас совсем неважно.
Но без тебя, далёкой той весны,
Непрошенных твоих вторжений в сны,
Прожить ВСЮ ЖИЗНЬ – вот это было б страшно!..

Ты мне приснилась в свадебном платье
С длинной, откинутой ветром, фатою,
В шумной толпе, у другого в объятьях,
Ты уходила опять стороною.

Снова молчала и снова смотрела,
Словно ждала моих слов самых важных,
Вилась фата рядом облаком белым:
Так уходила ты в сне моем каждом.

Даже во сне нас с тобой разлучает
Что-то, чего никогда не узнаю.
Вьется фата на ветру пленной чайкой
В шумной толпе над твоими глазами.

Сердце вдогонку рванулось: слепое,
С горя не видит другого объятий,
Хочет все время быть рядом с тобой!
Цвета разлуки белое платье...

Юность врывается в сны к нам без спроса.
С нею любовь вдруг ворвалась однажды,
Но улетела прочь ночью беззвездной,
Слов не услышав от нас самых важных...

Что мне делать? Скажи,
Как тебя позабыть,
Днем работать и спать ночами,
И совсем, никогда
Не пускать тебя в сны,
Не скучать, когда так скучаю?

Что мне делать скажи,
Если имя твое

Приросло и к губам, и к гортани.
А обида-палач,
Если мы не вдвоем,
Каждый час, каждый шаг,
С сердца кожу – живьем! –
Днем и ночью срывает кусками?

Что мне с памятью подлою
Делать скажи:
Всех с тобой перепутала встречных,
Даже в небе луну,
Что слезою дрожит
Надо мною в окне каждый вечер?

Где укрыться скажи,
Если голос твой, смех,
Затопили все в мире звуки?
Наизусть я бы выучил книги все,
Но найду ли ответы в науке?
Сжег себя бы потом
Среди книжек всех тех,
Видя в пламени лишь твои руки!

Что мне делать? Скажи!
Так спокойна со мной –
На глазах у себя каменею.
Уходи! Навсегда двери в память закрой!
Что ж молчишь?
Отвечай скорее!

Жизнь прошла в бесконечных разлуках,
Редких встречах и редких звонках,
Несказанных скрываемых муках
От тоски о твоих губах.

Это память, палач беспощадный,
Лютой пыткой пытается меня:
С той весны, где мы – вместе, рядом,
Опаляет страшнее огня.

Ничего не забыла. Словно
Руки, сердце на тысячи пут
Привязала к коням, а кони
С хрипом в стороны разные рвут.

Так живу. Похвалиться нечем
В судный час. Но тебя – не забыл.
Если спросит Господь: «Человече,
Что свершил?», я отвечу:

«Любил...»

*«Δεν ξέρω πόσο σ' αγαλώ,
μέτρο δεν έχει η αγάπη...»*
(«Не знаю, как сильно люблю,
меры не имеет любовь...»)*

Мне до тебя всего лишь час полета –
Всего лишь час меж небом и землей –

В любимый город юности далекой
За шанс надежды встретиться с тобой.

Зачем – и сам, наверно, не отвечу:
Поступки – тень необъяснимых тайн.
И пусть себе сейчас противоречу,
Но часть души моей – с тобою, там.

Какая больше – ни взглянуть, ни взвесить,
Хоть в них обеих нет тебе нужды,
Пусть обе для тебя слагали песни –
И песни оказались не нужны.

Скажи: зачем ты мне нежданно снишься?
Так много снов за столько зим и лет:
Целую руки, губы и ресницы,
Глаза твои, которых рядом нет...

Мне до тебя – час в небесах полета,
Но даже им нас в юность не вернуть.
В который раз вдруг помешает что-то
Сорваться в город, где меня не ждут.

Но я сорвусь когда-нибудь однажды
Спросить: зачем ты снишься столько лет?
В твоей улыбке, в жесте твоём каждом
На все вопросы вдруг найду ответ?..

«Δεν ξέρω πόσο σ' αγαλώ» (греч.) – стихи Христоса Аргирόпулоса.

ВЕСНА, ПОХОЖАЯ НЕЖДАННО

1

До середины марта падал снег,
Стояли также холода ночами.
Зима осталась словно бы навек
И не хотела расставаться с нами.

И утренники были холодны,
Но днём весна в свои права вступала,
И покрывало белое зимы
С беззвучным вздохом всюду опадало...

2

А эта весна так неожиданно похожа
На самую первую,
нашу с тобой,
С метелями, снегом, ознобом до дрожи
От счастья слепого:
что будет со мной?

Куда занесет
вместе с хлопьями белыми,
По гололедице, с вьюгами март?
К какой стороне,
нам отсюда неведомой,
Откуда не будет дороги назад?..

Кто мог предсказать,
чем все это закончится?

Тогда мы с тобой не пытались гадать.
Лишь память осталась со мной
и бессонница
С привычкой без спроса тебя вспоминать...

ТАК МНОГО ЛЕТ СПУСТЯ

1

Ты вспомнилась мне почему-то
Так ясно, как никогда.
Еще не забрезжило утро,
Сбегала по стеклам вода

Ночного дождя. С порывом
Ветер бился в окно.
Ты мне почему-то не снилась
Так долго. Когда-то давно

Весь вечер мы танцевали
С тобою все танцы подряд,
И ничего не знали
Про то, как годы летят...

2

Немного сумасшествия – не в счет:
Влюбленность – с кем такого не бывало?
Ты помнишь, как трещал в морозы лед
И вьюга снег в нас на пруду швыряла?

Как лгали предсказания примет,
И цвет закатов тех – багрово-алый?
На память никогда надежды нет
С ее лоскутно-пестрым покрывалом

Воспоминаний и осколков сна
И воспаленной яви вперемешку,
Где та неповторимая весна,
Где счастья стяг и боли ад крошечный.

Где от тоски в глазах белым-бело,
Где день – лишь повод к призраку надежды,
Где все так ослепительно цвело,
Плыл аромат цветов густой и нежный...

3

Ну, что тут скажешь? Столько лет прошло.
Кто – позабыл, а кто-то – безутешен.
Разлука – это благо или зло?
Ответ у сердца не найдешь, конечно.

За много лет я не нашел его
И не изменишь прошлое ответом.
Вдруг память, а не дождь, стучит в окно,
Ночь озаря тихим ясным светом?..

Не забывай меня, когда совсем уйду,
Лишь просто помни только о хорошем.
Пусть я и жил – ни дня с собой в ладу,
И твой покой обидами тревожил.

Казался пусть подчас совсем чужим,
Замкнувшись в непонятном отреченье;
Невольно причиняя боль другим,
Я жил в глухом безлюдном заточенье.

Я сам себя в темницу ту загнал,
И виделось оттуда все иначе.
Но зла тебе и в мыслях не желал.
Что было – не поправишь плачем.

А потому, когда совсем уйду,
Вздохни и помни только о хорошем:
Я жизнь свою прожил в сплошном аду
Меж памятью и невозвратным прошлым.

Оно настолько было дорогим,
Затмив все настоящее собою,
Что до сих пор я все бегу за ним
И никогда не захочу другое...

ВЫ ПОМНИТЕ?..

Ночник в купе слабей свечи горел,
Гудки с тревогой эхо повторяло,
Наш поезд в непроглядный мрак летел,
И все казалось хаоса началом.

Дышал вагон плацкартной духотой,
Тьма вспышками огней стекло хлестала,
И чьи-то жизни рядом, стороной,
Бежали от вокзала до вокзала;

В окно врывались, становились мной,
Внутри копилась, память переполнив,
Неодолимо звали за собой...
Ту ночь я до секунды ясно помню.

Из глаз моих кто Вам в глаза глядел,
Как будто вчитывался между строчек?
Что видел он? Кого найти хотел?
И Вы – кем были Вы той странной ночью?

Губами чьими звали Вы меня?
В двадцатом веке чья Вы Галатей?
На чьем пиру пуста моя скамья?
И чьи черты ищу, забыть не смея?

Чью боль несем? Каких времен, миров,
Невидимых отсюда, с края века,
Заложники у чувств или у слов,
Чей смысл запутан кем-то на потеху?

Звезда плыла... А Вы? Вы – чья звезда?
В какое небо завтра улетите?
Кто Вас так манит за собой туда?
Каких небес заветных небожитель?

Моей рукой кто Вам махал вослед?
Кто Вы ему? Жена? Любовь-сирена?
На перекрёстках миллиардов лет
Мы встретились не в первый раз наверно.

Иначе, отчего знакомы так
Улыбка Ваша, голос, руки, имя?
В пол-оборота Ваш прощальный шаг,
Знакомый до тоски невыносимой...

НЕ ПОЗВОНИЛА

1

В изголовье – Ваше фото.
В сердце – иглы острой боли.
Жду звонок Ваш. В сердце кто-то
Беспощадно острым колет.

Жду, как на кресте распятый:
Невозможно шевельнуться;
Зубы стиснул, пальцы сжаты.
Так прошли день, ночь и утро.

Болью в кресло вдавлен плотно,
Жду. А Вы всё не звоните.

Улыбаетесь мне с фото,
Мук моих случайный зритель.

Быть ненужным – очень трудно,
Но не бойтесь: я – живучий.
Просто боль острее под утро.
И обидно: очень-очень.

Я давно, конечно, понял
Как для Вас я мало значу.
Просто утром очень больно,
И душа некстати плачет.

Без обиды всё забудьте,
Строки горькие порвите:
Мало ль, что увидит утром
Мук моих случайный зритель!..

2

Улыбаетесь мне с фото.
Жду звонок Ваш, пусть не вправо
Ждать. Но жду, всей воли против:
Так, наверно, пьют отраву,

Всё-таки надеясь выжить...
Ночь. Темно. Чернеет фото.
Лишь лицо белеет. Вы же
И не думали, что кто-то

Будет ждать день и две ночи,
Полужив, от телефона –
Ни на шаг. И, как нарочно, –
Ни звонка. Ждать – это форма,

Вид навязчивого бреда,
Вы в котором невинны:
Вы причём?, что сразу, в среду,
Я – от Вас и – к телефону –

Ждать: ведь Вы пообещали
Позвонить, но с оговоркой.
«...Утоли моя печали!»
Ночь к концу. Рассвет уж скоро.

Может, Вы мой бред прочтёте:
Бред, до глупости наивный.
Бог спаси Вас ждать так ночью!
Бог спаси быть нелюбимой!

ВАМ, КОТОРЫЕ НАС БРОСАЛИ

1

Юность наша, мелькнувшая мимо,
С беззащитной твоей чистотою!..
Мы считали любовь, пусть наивно,
И единственной, и святою.

Одурев от серьёзных книжек,
Опасался её каждый втайне:

Чем она для вчерашних мальчишек
При негаданной встрече станет?

И со сцены голосом ломким
Мы читали стихи в тёмном зале:
От присутствия наших девчонок
Почему-то слова забывали.

Заикаясь, сбивались снова,
И робели своих одноклассниц:
Так для нас, не сказав ни полслова,
Начинался любви первый праздник.

Начинался кому – беззаботный,
Для кого-то – не в меру суровый:
С расставаний внезапных, холодных,
И опять без намёка в полслова...

2

...Мы вдвоём за столом – два «чекиста»,
Разговор откровенный предельно.
В гранях рюмок водка искрится,
Но не пьётся – от нервов, наверно.

Нам – за тридцать, и в «Комитете»
С первых дней – на оперработе,
На погонах – по два «просвета»,
Только в форме почти не ходим...

– Вот мы честно с тобою служим,
В своём доме редкие гости.
И пусть каждый сверх меры загружен,
Но у каждого в сердце гордость:

Это счастье – служить Отчизне,
Без которой ты жить не можешь.
И ведь вроде бы всё отлично,
С каждым днём тебе служба дороже...

Только вдруг – под дых, без замаха –
Та, единственная на свете,
За неё хоть сейчас на плаху –
Говорит: «Я с другим уже вместе...

Надоело за нищим майором,
И дежурства твои в каждый праздник.
Так старухой стану скоро,
У тебя – только служба и тайны!»

И уходит к реэмигранту:
Из России в час трудный, не лучший,
Он втихую сбежал когда-то,
Зарабатывать денег кучи.

А сейчас вот вернулся обратно,
Проповедник чуждой морали.
Как жуки на навоз благодатный,
Все слетелись, кого не звали.

И с газетных страниц, и с экранов
Грязью пачкают всё святое
В той стране – как ни больно и странно! –
Что была по рождению родною!..

И сегодня они вдруг – кумиры
Вместе с импортным идеалом.
Только кто здесь окажется Пирром,
Время слово ещё не сказало...

Ну, давай, убеди, коль не прав я.
 Всем сбежавшим любимым вдогонку
 – Что ж, спешите за вашей правдой! –
 Крикну вслед, не жалея глотку:

3

Вы, которые нас бросали
По каким-то своим резонам,
Как ненужный билет на вокзале
Или платье в конце сезона,

Вы, вчера нам шептавшие: «Милый!..»,
А назавтра – с другим в дорогу...
Сколько встретилось вам кумиров
И достойных лишь вас чертогов?..

Нет! Не надо обид! Мы тоже
Нагрешили на свете этом,
Обдирая в лоскутья кожу
Средь обломков любви постаментов,

Об осколки имён незабвенных,
Незабытые даты, детали,
И свою оскорблённую верность
Среди стыдных измен прожигали...

Лишь в одном мы, наверное, квиты,
Пусть ответ никогда не узнаем:
Сколько чистых сердец разбитых,
Сколько сломанных судеб за нами?..

Но, как прежде, с негаданной силой
Пригвоздит вдруг к ночному ложу
Тихий шёпот из прошлого: «Милый!..»,
В горле крик оборвётся: «За что же?..»

4

Но если б вы знали!..
Но если б вы знали,
Как нас другие любили и ждали!
Из долгих разлук
Со слезами встречали
На прежних вокзалах
Измен и печалей!

Как с нами делили все трудности жизни!
И нет их любви ни достойней, ни выше!
И нет той любви самой верной труднее!
И женщин для нас нет дороже, роднее!

Ну, вот и все. Я, кажется, свободен.
Мысль о тебе не ранит и не жжет.
Но память всюду вслед за нею ходит,
Свою победу терпеливо ждет.

Она не говорит, но я все слышу:
– Давай, попробуй от себя сбежать.
Любовь от века не бывает бывшей,
Не каждый может вновь ее узнать.

Давай, попробуй. А потом посмотрим
В какие дебри снова забредешь.
Любить легко. Но нестерпимо помнить,
Когда ее с другими предаешь.

И если ночью от стыда проснешься,
И весь внутри от боли закричишь,
Куда невольно всей душой метнешься?
Печаль у чьих коленей утолишь?

Неведомый, кто в этот миг утешит
И снова улетит в свои края?
Ты сам поймешь, когда вдруг станет легче:
Тебя опять спасла любовь твоя...

ДВА ПИСЬМА

Письмо

Любимая! И вот опять – один.
Живописать отсутствие твое?
Неслышно пыль кружится у гардин,
Слетаясь на оконный переплет.

Внизу у батареи под окном
Все также брошен свитер: часть меня
Лежит, раскинув руки, – мой фантом,
Та половина минувшего дня.

Пустая пачка, запах сигарет
В пустой квартире без тебя царят.
И пусть я здесь, но и меня здесь нет,
Пока не возвратишься ты назад.

Лишь призрак мой, как пыль, кружится здесь
И, псом ослепшим, тычется в углы:
Невидимая ты повсюду есть –
Твой запах здесь, а, значит, здесь и ты.

Глаза так часто лгут, когда в них страх:
Страх потерять последнее свое.
Здесь память о тебе – во всех углах,
Пусть нет тебя – мы все равно вдвоем.

Пусть лгут глаза и пусть совсем не то
В реалиях узреть готов зрачок.

В пустой квартире призрак мой, фантом,
Раскинув руки, брошен под окном,
Ждет, в батарею вжав свое плечо,

Ждет, молча, у погашенной свечи,
Твои шаги, что смолкнут у дверей,
Звонок.

Я жду. Я жду среди теней
В квартире, где так пусто
хоть кричи...

Ответ

Мой родной! Я измучилась. Вечер
Был сплошная тоска и боль.
Ты прости за сумбурность и почерк,
Просто – больно и просто очень
– Хоть бросай все, беги средь ночи –
Мне хотелось к тебе: с тобой

Быть в той комнате, где с раскладушки
Сбросив на пол короткий матрас,
Ты мои, с мороза, ладошки,
Целовал, согревая. Сейчас

Мне вдруг вспомнилось, может не к месту,
Как на кухне все падал гвоздь,
Что держал на окне занавеску.
Сколько раз мы там были вместе!..
Но ни разу не видели звезд,

Ни рассвета вдвоем не встречали,
Ни заката. Любимый мой!
Если б снова начать с начала,
Я бы выбрала снова – с тобой

И январь, и мороз, и автобус,
Письма, ладанный запах свеч.
Я не в силах представить, чтобы
Ты из жизни моей исчез.

Мне все кажется: ты где-то рядом,
Даже тень из окна видна.
Ничего мне, родной, не надо –
Только видеть тебя иногда.

День и вечер – и боль, и надежда.
В наших окнах – одна звезда.
Много-много и нежно-нежно
Я целую твои глаза...

Мои строки к тебе –

Перелётные птицы
Из мгновений и дней
Прочь умчавшихся лет.
Долетая, они
Превращаются в письма –
В стаи белых страниц,
Запечатанных прошлым в конверт.

Надорви тонкий край –
К небу вырвутся песни:
О тебе, для тебя.
Каждым звуком своим.
Только сердце твоё
Не взлетит с ними вместе:
Улетело оно
Вслед зовущим напевам другим.

Ты прости нежных птах:
Неразумные птицы
Могут жить лишь в краях,
Где родились, росли,
Где навстречу с утра
Им взлетали ресницы:
В дорогих мне глазах
Плыло море бездонной любви.

Мои строки к тебе –
Перелётные птицы
Вдруг сорвались опять
В край до боли родной,
В край, где я целовал
Глаз любимых ресницы,
В край, где встреча с тобой
Так негаданно стала судьбой...

Не печалься, моя родная,
И совсем – я прошу! – не грусти,

Если завтра, тебя вспоминая,
Мое сердце взорвется в груди,

Разлетится на сотни осколков,
Ярче тысяч ярчайших комет.
Мне не жалко его нисколько:
Только счастье рождает свет.

Он давно для меня сияет,
С нашей встречи, далекой такой.
Где бы ты ни была, родная,
Мое сердце всегда с тобой!

Все земное нам все дороже,
Даже горькие дни поврозь.
Только жизнь, как и прежде, тоже
Наш случайный недолгий гость...

Какой лихой небесный фантазер
Предуготовил нам заранее встречу?
Так звезды закружил: мне до сих пор
В глазах туманом Путь бескрайний Млечный.

Зачем сложил он этот гороскоп,
Где для двоих – лишь разные дороги,
А памяти горячечный озноб –
Скорее для беды, не для подмоги.

Так лихорадит вдруг любой пустяк,
Нечаянно похожий на бывшее!
Забывать бы все. Да не могу никак.
И боль, и счастье, и нигде – покоя...

Стою – уже с седой головой,
А в небе звезды также кружат, кружат.
Но если б мы не встретились с тобой,
Вот это точно был бы вечный ужас!..

Любовь быть может не одна,
Ни в чем сама с собой не схожа:
Надежной, прочной, как стена,
И беззащитней детской кожи.

Полна восторгов и утрат –
Невосполнимых, незабвенных;
Ошибок без пути назад,
Непоправимее измены.

А там, где боль и горе жгут,
Останутся немые шрамы.
И даже годы не сотрут
Однажды нанесенной раны.

Любовь быть может не одна.
Но никогда, ни в ком – бесследной.
Пусть опалит тебя до дна,
Пусть будет слепо безответной,

Не отрекайся и не злись,
И не прощайся с ней навеки:
Любовь – синоним слова «Жизнь».
А жизнь без жизни – бред, нелепость.

И там, где пусто и темно,
Сквозь пепла серый цвет суровый,
Огонь, погасший так давно,
Без спросу разгорится снова.

И с умудренною душой
Увидишь все вдруг в новом свете:
Любимых некогда тобой
И всех, кого ты не заметил...

«...Да вы что!?!»

ДАЕШЬ ПЕРЕСТРОЙКУ!

Притча о Молчуне и Флюгере

Под впечатленьем от центральной прессы,
Поверив ей, не выбирая фраз,
Вдруг в прениях о перегибах местных
Молчун сказал открыто в первый раз:

«Прорывы» наши – пшик и бег на месте,
Какой ущерб приносят «маяки»,
Как спесь питая непомерной лестью,
Растим поганых культиков грибки.

Кто мир блюдя, кивнул: «Оговорился.
Ну, ничего. Ты – по старинке жми».
А тот – свое. Кто смехом подавился:
«Вот, камикадзе, черт его возьми!»

Кто, Молчуна отлично понимая,
Сам промолчал, качая головой:
«Заговорись хоть – жизнь всегда такая»,
Махнув на выступления рукой.

А Флюгер, взгляд Начальника поймав,
Вскочил громить, усвоив взгляд-заданье:
«По совести сказать – ты тут не прав,
ТАК толковать нельзя без указанья.

Я без газет – к трибуне ни ногой:
Как выступать, не посмотрев в газету?
Судить – не нам. А ты? Кто ты такой?
Скромнее будь. Прислушайся к совету.

Бери со старших для себя пример –
С Начальника, с Помощника по кадрам.
Они вначале позвонят «наверх»,
А уж потом высказывают взгляды.

Ты свои мысли лучше б приберег.
Смотри, какой один принципиальный!
Подумай трезво: разве в правде прок?
Нельзя, что пишут понимать буквально.»

И горделивый кинув взгляд на зал,
Шел Флюгер так, весьма собой довольный,
Как будто ждал, что встретят хлебом-солью
За то, как Молчуна при всех «подмял»
Со всей его правдивостью и болью...

...Знакомая картина нам, не правда ль?
Клопов живучей Флюгеров полки.
Не пишут слов таких, но, все же, надо
Уметь читать меж строк, внутри строки:

– У каждого из нас так наболело
И столько есть о чем нельзя молчать!
У всех людей одно на свете дело –
За все дела людские отвечать!

В пути к экономическим успехам,
Где столько перестраивать, сменять,
Нам прежде б отношение к человеку
На человеческий уровень поднять!

Май 1986 г.

ШЕПОТКИ

Шепоточки, шепоточки, шепотки
Расшептали чьи-то злые языки.
Через щелки, толщу стен – лишь доведись! –
Просочится шепоточков едких слизь.

Не поймаешь, не закроешь шепоток,
Не накинешь на чужой роток платок.
Порасшептываясь с ушка на ушко,
Шепоточки разнесутся далеко.

Вездесущ, живуч, прилипчив шепоток:
Анонимно расползется грязью строк.
Шепоточки, шепоточки, шепотки –
В чью-то душу, чье-то имя их плевки.

Ох, как манит паутина шепотков!
Сколько в плен к ней попадало простаков.
Почему ж опять встречаем тут и там
Тех, кто больше верит скользким шепоткам?

Шепчут, шепчут шептуны-клеветники,
Шепоточки расползаются в плевки...

НЕМНОГО О МАТЕМАТИКЕ

Вся Математика решила
Отметить праздник в «кабаке».
Там было весело и мило,
Пластинка громко голосила
О том, что милый вдалеке...

Нескромные тосты звучали,
Глаза мужчин сверкали сталью,
А Вероятность лепетала:
– Сюда случайно я попала.
За ней ухаживал напрасно
Изящный Интеграл Лапласа.

Критерий Пирсона в обнимку
Сидел с красивой, как картинка,
Дисперсией и что болтал!....
Хотя женатый был, нахал!

Лишь Модуль клял свою беспечность
Что завлекал Плюс Бесконечность:
Ведь Середина Интервала
Квартиру в центре предлагала...

Но вдруг начался кавардак:
Возникли споры: что да как?..
А Плюс кому-то сгоряча,
Как говорят у нас, сплеча.
Вкатил такую оплеуху,

Что этот Кто-то навзничь рухнул.
И началась одна из драк,
Какими славился «кабак»...

Вся Совокупность Элементов
Глядела в зал и обсуждала:
– Смотри-кось, как напился энтот!..
– И та, что с ним, не подкачала...

...Предпраздничный закончен вечер,
И штраф милиции уплачен.
О результатах этой встречи
Пластика в темном зале плачет...

ЕЩЕ РАЗ О НОЛЯХ

В одном Числе Ноль двигали вперед,
Забыли правило простое:
Ноль Цифрам весу придает,
Когда стоит за их спиною...

О НЕПОЧТИТЕЛЬНОМ ОТРАЖЕНИИ

Во всем субординацию храня,
Он отражение «отчистил» за нескромность:
– Что за улыбки, глядя на меня?
Уж не считаешь ли себя со мной за ровню?
Я, фамильярность пресекая, строг

Со всеми равно – обязует положенье.
Не нравится: вот – Бог, а вот – порог.
Тебе не будет тоже снисхожденья!

ПРО ОСЛА

Осел пристроился служить:
Он для себя умел пожить.
И хоть умом он не блистал,
Никто Осла взашей не гнал -
Пусть от него и мало толку,
Зато он был Ослом – не Волком.
Но только чуть дела на убыль –
Вонзал Осел в Хозяев зубы.

Мораль: по шкуре не встречай!
Вдруг ошибешься невзначай...

БАСНЯ ПРО КОЗЛА И БАРАНА

Один Баран на корм траву искал:
Где ни ходил – не та трава и всё!
Искал траву и у подножий скал,
Искал траву, чудак!, среди песков.

Копыта источил в дорогах зря:
Щипал, жевал – не та трава и всё!
Но вот однажды, лишь взошла заря,
Он в путь скакать, да встретился Козёл.

«Привет!» – «Привет! О чём твоя печаль? –
Спросил Козёл. – И что бредёшь так рано?»
«Ищу траву вкусней, а где начать –
Не знаю даже!» – был ответ Барана.

«Ты что, с ума сошёл? Ищи в лесу!
Меня всегда в лесу пасёт хозяйка:
Там травы сочные и каждый куст
В листках таких!» – хвалил Козёл-всезнайка.

«Спасибо, друг!» И в лес Баран, один,
Ушёл. Трава, наверно, в самом деле
Там так сладка – ну, хоть беги за ним:
С тех пор Барана не видать доселе.

...Здесь правды, может, ни на гран,
Да Волк в лесу том спал.
Послушался Козла Баран –
И сам в беду попал!

ОБ ИНДЮКЕ И ЖАВОРОНКЕ

Как Жаворонок в небе пел!..
Ему внимала вся природа.
Нежнейшие, за трелью трель,
Лились на землю с небосвода

На тихий лес, на тихий плес
С вздыхавшей в тальниках рекою.
Он всей душою пел такое
Родное, близкое до слез.

И, внемля чудным переливам,
Хор птичий смолк, покой храня.
Но буркнул тут Индюк спесиво:
«Ишь, расстарался
для меня.»

О ПТИЦАХ И ЖУКАХ

Навозного Жука порывом ветра
На ветку к Певчей Птице занесло.
В Искусстве Петь себя считая Мэтром,
Жук начал так, не тратя лишних слов:

«Ну, что за «фью», да «фью» под небесами?
Давно за них пора устроить спрос!
Летай пониже и жужжи над нами,
Коль с высоты увидишь вдруг навоз...»

Не отвечая, в высь вспорхнула Птица,
А Жук свалился с гибкой ветки вниз,
Но всем и вся с тех пор жужжать стремится
Про бесполезность песен Певчих Птиц...

О ТВЕРДОСТИ

Заведовать Кондитерской прислали Сухаря:
Торты, Пирожные – всех крыл за мягкотелость.
Добился твердости, но – сняли. Говорят
Он до сих пор не понял: в чем же дело?..

ВПЕЧАТЛЕНИЕ ОТ ЛЕКЦИИ

«Ой, Ваня! Глянь
какие клоуны!..»
В. Высоцкий

Я лекцию прослушал пор здоровый быт.
Скажу по совести: ну, лучше б не ходил.
Неделю целую не мог ни есть, ни пить –
Так застрашал очкастый крокодил!

И то – нельзя, и это – осторожненько,
Съел больше нормы – враз отдашь концы.
Лишь день-деньской ходи себе голодненький,
Ешь одуванчики – считай, что огурцы...

А как ругал он фитнес, аэробику!
Насчет здоровья там – сплошной туман,
Но шансов сто из ста зара́з угробиться,
Дак женщины на ней сошли с ума.

Дособирались без мужского общества:
Таз уже стал сантиметров на шесть.
Рожать – не могут, даже если хочется!
Куда уж после этого худеть?
И узким тазом для чего вертеть?

...Все ждал: расскажет, где здоровья залежи,
А он живым запел «За упокой».
Я для страховочки, конечно, сдал анализы,
Но к лекторам отныне – ни ногой!..

РАЗНЫЕ МНЕНИЯ

Все построено на отражении,
Возвращении света из тьмы,
На теориях, заблуждениях:
Мы – откуда? Кто, все-таки, мы?

– ... Никакой эволюции не было!
Прилетели сюда НЛО,
Посмотрели вокруг, побегали –
И готов человеческий клон!

А то в книжках – про питекантропов!
Ты их видел хотя бы раз?
Может были мутанты-мамонты,
Но считать обезьянами нас!..

–... Что за чушь вы несете стыдную:
НЛО, миллиарды лет!..
Мне неграмотность Ваша обидная,
Ведь ни нас, ни Земли этой нет!

Все, что видим – всего лишь матрица,
Сверхпрограммы какой-то жуть!
Ну, чего на меня так тарашиться?
Это ясно любому ежу!..

–... Я сейчас помогу разобраться вам,
Расскажу, как на деле есть:
Существует лишь реинкарнация,
Ну, а мы только в ссылке здесь...

И вернутся опять к отражению,
К возвращению света из тьмы,
К территориям заблуждения:
Мы – откуда? Кто, все-таки мы?

Что – на фактах, а что – на мистике,
Так замешано: не разберешь
Где же здесь хоть немного истины,
Где – прикрытая истиной ложь?..

Рукав стрельца

Из бездны межвселенского пространства,
От звезд, погибших в страшных безднах лет,
Сквозь адский холод, ад протуберанцев,
я мчусь к Земле, которой еще нет.

Мне кажется давным–давно знакомым
Сиянье мимо проносящихся светил,
Как свет в окне покинутого дома,
В котором я когда-то долго жил.

Меня пронзают встречные кометы
И в сердце бьют метеоритные дожди;
Я мчусь к Земле, которой еще нету,
Но у которой все – так впереди.

Я болен всем, что на Земле свершится,
Уже свершилось и вершит свой сказ:
Я памятью разбросан по крупицам
В дороге из прошедшего в сейчас!

Мы родились у Шпоры Ориона,
В изгибе левом рукава Стрельца.
Неслась планета по своим законам
По кругу бесконечного кольца

Галактики, для глаз необозримой,
Кипящей взрывами сверхновых, словно суп,
И мы летели вместе, рядом, мимо,
Пыль звезд иных касалась наших губ.

Вблизи межгалактических фонтанов
Мы согрели руки и сердца,
И в этот Мир, непостижимый, странный,
Влюблялись безраздельно, до конца.

И всей Любви уже не стало места,
Как Дышащая Жизнь прорвалась вдруг
В наш слух гортанно-хриплым арамейским:
– Аввун дбишмайя! Ниткаддах шиммух!* ..

Мы умирали, снова возрождались,
Стараясь оторваться от Земли,
Найти ответы в неоглядной дали,
Какие отыскать здесь не смогли.

А Млечный Путь стелился величаво,
Сверкали сотни миллиардов звезд,
И в мантии своей, у края справа,
Того не зная, наше Солнце нес...

*«Аввун дбишмайя! Ниткаддах шиммух!» (арамейский) – синодальный перевод: «Отче наш, иже еси на небесех!...»; дословно: «О Дышащая Жизнь! Имя Твое сияет повсюду!..»

Над планетой моею проносится солнечный ветер:
Пыль погибшей безвестной незримо далекой звезды,
Подтверждением слов о невечности жизни на свете,
О падении несокрушимых, казалось, твердынь.

Миллиарды светил погибают в бескрайней Вселенной,
Согревавших свои плоть от плоти родные миры.
А теперь долетает до нас только солнечный ветер,
Пыль планет из бездонной холодной космической тьмы.

Все вокруг: облака и земля, даже Солнце и воздух,
С этой пыли начавшись, становится мной и тобой.
Сознавание родства с этой пылью приходит хоть поздно,
Но, по сути, оно и является нашей судьбой.

Наша пыль тоже где-то с тем ветром когда-то осядет
В невозникших еще, но уже дорогих нам мирах.
О какой же еще несказанно высокой награде
Можно только мечтать, исчисляя дороги в веках?

Пыль тех звезд, оседая на каждое сердце незримо,
Унесет за собой в даль, которой названия нет,
Но где будут опять даль России до боли любимой
И искриться в полях под луной свежавыпавший снег.

*«Весь земной шар не может быть
в большей беде, чем одна душа...»
(Людвиг Витгенштейн, философ)*

Душе Вселенная – свой дом,
Все времена, века – родные:
Так было, будет и потом,
Когда меня покинет.

Мелькнет падучею звездой
В дали и тьме невыразимой,
Замрет нежданною слезой
В глазах любимой.

Потом когда-нибудь опять
В другого, как в меня, вселится,
И будет за собою звать
К тем незабвенным лицам,

Кого давно на свете нет,
Но для нее они все живы.
Зачем другой – кто даст ответ? –
Во след им, как с обрыва,

Вдогонку, бросится искать
Любовь, какой не возвратиться?
И будешь ты ему опять,
Как мне когда-то, сниться...

РАЗМЫШЛЕНИЯ У ОКНА

1

В часы бессонниц, стоя у окна,
Пронизанный небес ночным сияньем,
Вдруг сердце распахнешь ему до дна,
Готовый причаститься Высшей Тайны.

В прямой единокровности с любой
Пылинкой малой, что увидеть трудно,
Взмываешь ввысь, лишь сквозь восторг слепой
Колючий холод ощущая грудью:

Туда душа когда-нибудь одна
Отправится к иным своим скитаньям,
До той поры скрывая их от нас
В непостижимых далях мирозданья.

И самое торжественное «О»
Не передаст всего благоговенья,
Какое наполняет естество
Предчувствием Полета к Возрожденью!

2

Галактика, Звезда, Земля, Луна –
Отчетливо очерченные грани.
Но ранит сколь дотошно сочтена
Уже сейчас **КОНЕЧНОСТЬ МИРОЗДАНИЯ.**

Едва-едва Единственным Ростком
Пробилась Жизнь, где ей и быть не должно,
На Праздник Чуда с траурным венком
Пришли, прикрывшись словом «предположим...»

Мол, будет так: ПОСЛЕДНЯЯ ЗВЕЗДА
ПОГАСНЕТ где-то в глубине Вселенной,
И превратится ВРЕМЯ в НИКОГДА:
Ведь даже звезды в нашем мире тленны...

Былых светил остывшие тела
С хвостом планет сорвутся к некой точке,
И поглотит их ЧЕРНАЯ ДЫРА –
Царица неоглядно долгой ночи.

ПРОСТРАНСТВО превратится НИ ВО ЧТО,
Останется лишь крохотный комочек
Ждать НОВЫЙ ВЗРЫВ, укрывшись тьмы плащом:
Что СВЕТ исчезнет тоже – это точно...

3

Рождение, расцвет, за ним закат –
Везде, во всем. И вывод сам собою...
Все это – лишь КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ ряд,
Но Макрокосм – суть КАЧЕСТВО другое.

В софизме старом спрятан горький смех:
И человек, и лошадь оба смертны,
А значит, лошадь – тоже человек.
Посыл неверный – к выводам неверным.

Был прав Евклид и прав Рене Декарт,
Мир измеряя линией прямою,
Но под другим углом упавший взгляд,
Был поражен пространства кривизною,

Змеей свернулась времени петля
Куда-то за границы Ойкумены.
...Октябрь. Роняют листья тополя
Как многоточье к слову «достоверно»...

4

Вселенная есть ВСЁ, ВСЕМ ВСЕЛЕНА.
Жизнь на Земле однажды замирала,
Но коль планета расцвела сполна,
То и Вселенная найдет свое НАЧАЛО.

Спрессована до атомных орбит,
В любой пылинке будет наша память –
Так уголек в костре погасшем спит,
И вдруг Огнем Неукротимым станет.

И будет ВЗРЫВ. А после – тишина.
Опять вернуться СВЕТ, ПРОСТРАНСТВО, ВЕЧНОСТЬ.
И вновь однажды, стоя у окна,
Я позову тебя, скажу: «Жена,
Смотри, какой сегодня чудный вечер!..»

5

...А может Жизнь пойдет другим путем,
Оставив точность выводов ученым,

А нам – небес в созвездьях оком,
Закатным солнцем чуть позолоченный,

Оставив листопады и дожди,
И вихревые танцы снежной вьюги,
И тихий шепот губ «Не уходи...»,
И бег Земли по обжитому кругу,

Оставит все, чем память дорожит
До самого последнего дыханья...
И оттого Жизнь, может, не спешит
Поведать неразгаданные тайны.

С седой головою склонённой стою пред Всевышним,
Пытаюсь «Спасибо!» сказать за Его благодать:
Пусть жизнь уместилась в три маленьких тоненьких книжки,
Я жил и любил – так чего же ещё мне желать?

Я жил в самой лучшей стране, необъятной для взгляда,
В краю, где неизбежно высится старый Урал,
Где сосен, пронизанных солнцем, стоят колоннады,
И реки привольно текут у подножия скал.

Я женщин любил самых лучших и самых красивых
И строки из счастья и боли для каждой слагал,
И землю обняв на могилах ушедших любимых,
Не раз и не два безутешно, безмолвно рыдал.

Я Родине честно служил, и ни года обратно
Скитаний своих и мучений не стану менять.
И ложных кумиров с призывом исхода на запад
Не мог, не хочу, и не буду пытаться понять.

Я русским останусь уже до последнего вздоха,
Какая беда не обрушится неожиданно опять.
А примет Всевышний – под сосен задумчивый ропот
Я в снах моих буду Россию одну вспоминать...

Россия! Родина! С рожденья – ты моя:
От вешних вод и до небесной выси,
По крови, с колыбели – Мать-земля,
Та, без которой я себя не мыслю.

Россия! Родина! С рожденья я твой сын
Твоих былин и песен, что мне пела.
Как много выпало тебе лихих годин!
Как мало для тебя я в жизни сделал!

Россия! Родина! Всю боль всех бед твоих
Я принял в сердце грузом неподъёмным.
И где б ни встретил свой последний миг –
Тебя и после смерти буду помнить!

Россия! Родина! Религия моя!
В печалях, в радости – одна моя святыня!
Пока жива ты – буду жив и я,
Никто нас друг у друга не отнимет.

И среди смуты, распрей, стыдных войн
Попыток иноземного засилья,
В долгах неискупимых пред тобой,
Я низко кланяюсь тебе, моя Россия!

Россия! Родина! Вовеки – ты моя:
Тобой одной заполнены все мысли,
Все, чем живу, дышу и помню я,
Все это – ты до звезд небесной выси!

СОДЕРЖАНИЕ

ГОРОД, ОТ ДУШИ НЕОТДЕЛИМЫЙ	3
Осень сорок девятого	3
Воспоминанья о Зырянке	4
Друзьям по пионерскому лашерю «Три пещеры».....	8
На катке.....	12
«Девочка с соседней в классе парты...»	13
Девятый класс	14
«...Моя любовь в десятом классе...»	15
«Осень: дождь и опавшие листья...»	16
«Ну, что же ты грустишь, что снова осень...».....	17
А мы с тобой всю жизнь знакомы	18
«Мне опять сегодня снилось детство...»	19
«С редких фотографий школьных лет...»	21
«Может память выбилась из сил...».....	22
«Билет «туда – обратно»...	23
Возвращения домой.....	24
«От вокзала, где такси толпятся...»	25
Каменску-Уральскому	26
 МОСТИК НАД ЗАВОДЬЮ	 29
Институтский вальс	29
«Сбегу к себе – назад, в УЭМИИТ...»	30
«А если что случится – без меня...»	31
«Памяти привычным бездорожьем...»	32
«В тот майский вечер пламенем закат...»	33
«Приснилось вновь: на стареньком мосту...»	34
«Тот первокурсник, что тебя любил...»	35

«Я хотел увидеть с давних пор...»	36
«Отечество моё, УЭМИИТ...».....	37
Гимн Уральского государственного университета путей сообщения.....	38
Гимн выпускников Уральского государственного университета путей сообщения.....	39
ЗВАТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ.....	41
Пора послевоенная	41
Победителям.....	43
Груз двести.....	44
95-летию органов ВЧК-КГБ-ФСБ	45
Парадный мундир	46
Я шел к вам.....	47
Моление отшельника.....	51
Сороковой жень	53
«Приснился мне умерший старый друг...»	54
«В нём было всё изящно-просто...»	55
Гимн КАРАТЭДО.....	56
Мен дыл ле.....	58
Евгению Тростину.....	59
«Нас не осталось – есть такая секта...»	60
«Я все надеюсь, пусть я и не маг...»	61
В ЧАСЫ НОЧНЫЕ.....	62
Бессонница	62
«Если в веках археолог маститый...»	63
«Когда по мне прочтут «За упокой»...»	63
Друг приехал...	64

«В моем окне горит звезда...».....	65
«Мелькнувшей юности звезда!..»	66
«Золотом сорил листопад...»	67
«Желтый закат догорает над лесом...»	68
«Поздней ночью дождь разбудит...»	68
Снег идет	70
«В эту ночь в небесах – ни единой звезды...»	71
«...ПОГАСИ ПЛАМЕНЬ СТРАСТЕЙ МОИХ...».....	72
«И солнце всё так же встаёт...».....	72
«Мокрый черный блестящий асфальт...»	72
«Он каждый год приходит этот день...»	73
«Снова кончается третья декада марта...»	74
«Снова чайки тревожно кричат во дворе...»	75
«Помнишь, как луна сияла?...»	76
АГАПО	78
Троицкая суббота.....	79
«Святый! Я столько в жизни лгал...».....	80
«Страшно, Боже! Как же страшно...».....	80
«Помилуй мя, Боже! Помилуй!..»	82
Сны в канун Покрова Пресвятой Богородицы.....	83
Молитва Господня.....	89
ПЕСНЬ ПЕСНЕЙ	90
«Великий Путаник, Любовь!..»	90
«И вот вернусь...».....	91
«Любимая моя! Как ты прекрасна...»	92
«Ты рядом или далеко...».....	93

ТАКАЯ РАЗНАЯ ВО ВСЕМ	95
«Такая разная во всем...»	95
«И в третий день везде царила ночь...»	95
«В метро свистели сквозняки...»	96
«Наших свиданий наивную строгость...»	97
Ожидание	98
«Опять молчат все в мире телефоны...»	98
Обида	99
«Я и не знал, что ты такой бываешь...»	100
«Он шутник был, наверное, тот...»	101
«Каким я виделся тебе...»	102
«Это мосты разводят...»	103
«Прощай!» стоит за каждым «Здравствуй!»	103
«Не спи!..»	104
«Я с похорон моей любви с тобой...»	105
«Я так хотел все зачеркнуть, забыть...»	106
«Там, где юность беспечно цвела...»	106
Запоздалое признание	107
«Я так любил... А ты тогда ушла...»	109
«Ты мне приснилась в свадебном платье...»	109
«Что мне делать? Скажи...»	110
«Жизнь прошла в бесконечных разлуках...»	112
«Мне до тебя всего лишь час полета...»	112
Весна, похожая гнжданно	114
Так много лет спустя	115
«Не забывай меня, когда совсем уйду...»	117
Вы помните?..	118
Не позвонила	119
Вам, которые нас бросали	121
«Ну, вот и все. Я, кажется, свободен...»	126
Два письма	127

«Мои строки к тебе...»	129
«Не печалься, моя родная...»	130
«Какой лихой небесный фантазер...»	131
«Любовь быть может не одна...»	132
«...ДА ВЫ ЧТО?!...»	134
Даешь перестройку!.....	134
Шепотки	136
Немного о математике.....	137
Еще раз о нолях.....	138
О непочтительном отражении.....	138
Про осла	139
Басня про козла и барана.....	139
Об индюке и жаворонке.....	140
О птицах и жуках	141
О твердости.....	141
Впечатление от лекции.....	142
Разные мнения	143
РУКАВ СТРЕЛЬЦА	145
«Из бездны межвселенского пространства...»	145
«Мы родились у Шпоры Ориона...»	145
«Над планетой моею проносится солнечный ветер...»	147
«Душе Вселенная – свой дом...».....	148
Размышления у окна	149
«С седой головою склонённой стою пред Всевышним...»	152
«Россия! Родина! С рожденья – ты моя...»	153

НИКОЛАЙ ПОКИДЫШЕВ

Звательный надеж

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

Компьютерная верстка –
Татьяна Михайлова

Подписано к печати 02.03.2015 г. Формат 60x84/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Физ. печ. л. 10.
Тираж 300. Заказ 212.

Отпечатано в ООО «Типография «Зауралье»,
640022, г. Курган, ул. К. Маркса, 106.
E-mail: zpress@pkzaural.ru